

М. В. Аникович, Н. К. Анисюткин, Н. И. Платонова

Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы

M. V. Anikovich, N. K. Anisyutkin, N. I. Platonova.

Man and Mammoth in East Europe: Approaches and Hypotheses.

The discussion about the origin of huge amounts of mammoth bones on some East European sites of the middle Upper Palaeolithic (24-14 kya) has a very long history. It goes back to the 1870-s, when two mutually exclusive hypotheses were put forward: 1) people, who lived on these sites, were mammoth hunters, and the bones in question represent the remains of their prey (A.S. Uvarov, I.S. Polyakov); 2) people, who left these sites, simply collected mammoth bones, as well as corpses of dead animals (V.V. Dokuchaev, A.I. Kelsiev, F.K. Volkov). After the discussion was resumed in the 1990-s, it has been shown that both hypotheses were flawed. First, there are no natural mammoth cemeteries in the Russian Plain (the only exclusion is the Sevsk cemetery, but it had never been exploited by the Palaeolithic man). Second, it is hard to understand how and why the corpses of mammoths (either hunted or scavenged) would have been transported to the occupation sites. The problem can be resolved if one suggests that the relation between man and mammoth in the period under consideration was much more complex than just the relation between the hunter and the game. It could have been a kind of symbiosis, similar to that described by ethnographers for a number of peoples of the North, who maintained symbiotic relations with the reindeer. To be sure, this hypothesis needs further elaboration and should be regarded as a preliminary one.

M. V. Anikovich, N. K. Anisyutkin, N. I. Platonova.

Om și mamut din Europa de Est: abordări și ipoteze.

Discuția despre originea unui număr mare de oase de mamut de la un șir de situri est-europene din mijlocul paleoliticului superior (24-14 mii de ani în urmă), are o istorie mult mai lungă decât se crede. Începutul ei datează din anii '70 ai secolului al XIX-lea, când în literatura de specialitate pentru prima dată au apărut două ipoteze diametral opuse: 1) oameni care trăiau la aceste situri, vânau pe mamuți, și un număr mare de oase sunt rămășițe ale pradei (A. S. Uvarov, I. S. Poliakov), 2) oameni care au părăsit aceste situri, erau culegători de oase de mamut și de carne stricată (V. V. Docuciaev, A. I. Kelsiev, F. K. Volkov). Reluată în 1990, discuția a relevat puncte slabe ale ambelor concepții. În primul rând, pe teritoriul Câmpiei Ruse în această perioadă nu existau surse presupuse de culegere — cimitire naturale de mamuți. O singură îngropare de mamuți înregistrată incontestabil, pieriți din cauza unor dezastre naturale — cea din Sevsk — nu a fost niciodată dezvoltată de omul paleolitic. În al doilea rând, nu este clar cum și în ce scop de pe locuri de presupuse acumulări naturale a rămășițelor de mamuți sau de vânătoare de goană pe teritoriul unui sit se cărăbăneau tușe de mai multe tone ale acestor animale, inclusiv ale unor femele gestante. Această contradicție se rezolvă, dacă vom presupune că în perioada în centrul Câmpiei Ruse dintre om și mamut a existat o relație mai complexă decât presupune o dilemă de obicei dintre *vânător* — *vânat*. Desigur, este vorba nu de domesticirea mamutului, ci de un fel de simbioză, similară parțial cu o simbioză etnografic înregistrată în mai multe popoare din Nord cu reni. Cei din urmă, după cum se știe, încă nu se consideră ca o specie destul de domesticită. Concepția expusă are un caracter preliminar și are nevoie de cercetare în continuare.

M. В. Аникович, Н. К. Анисюткин, Н. И. Платонова

Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы.

Дискуссия о происхождении огромного количества костей мамонта на ряде восточноевропейских стоянок средней поры верхнего палеолита (24–14 тыс. л. н.) имеет гораздо более длительную историю, чем принято считать. Ее начало восходит к 70-м годам XIX в., когда в литературе впервые сформировались две диаметрально противоположные гипотезы: 1) люди, жившие на этих стоянках, охотились на мамонтов, и огромное количество

Study supported by the Fundamental Research Program 'Historical and Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia' (led by M. B. Anikovich) and Russian Fundamental Research Foundation, nr. 08-06-00161a (led by M.B. Anikovich)

Studiul dat este realizat cu suportul Programului de cercetări fundamentale 'Patrimoniul istorico-cultural și valorile spirituale ale Rusiei' (sub conducerea de M. B. Anikovich) și Fundația rusă pentru cercetări fundamentale, no. 08-06-00161a (sub conducerea de M.B. Anikovich)

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (рук. проекта М. В. Аникович) и РФФИ № 08-06-00161a (рук. М. В. Аникович).

© М. В. Аникович, Н. К. Анисюткин, Н. И. Платонова, 2010.

костей — это остатки охотничьей добычи (А. С. Уваров, И. С. Поляков); 2) люди, оставившие эти стоянки, были собирателями мамонтовых костей и падали (В. В. Докучаев, А. И. Кельсиев, Ф. К. Волков). Возобновившаяся в 1990-х гг. дискуссия выявила слабые стороны обеих концепций. Во-первых, на территории Русской равнины в указанный период полностью отсутствуют предполагаемые источники собирательства — естественные кладбища мамонтов. Единственное достоверно зафиксированное захоронение мамонтов, погибших в результате природной катастрофы — Севское — никогда не разрабатывалось палеолитическим человеком. Во-вторых, непонятно, каким образом и с какой целью с мест предполагаемых естественных скоплений останков мамонтов или облавных охот на территорию стоянки притаскивались многотонные туши этих животных, включая беременных самок. Это противоречие разрешается, если предположить, что в рассматриваемый период в центре Русской равнины между человеком и мамонтом существовала более сложная связь, нежели предполагает привычная дилемма охотник — дичь. Речь идет, разумеется, не об одомашнивании мамонта, но о своеобразном симбиозе, отчасти напоминающем этнографически зафиксированный симбиоз ряда народов Севера с северными оленями. Последние, как известно, до сих пор не рассматриваются в качестве вполне одомашнированного вида. Изложенная концепция носит предварительный характер и нуждается в дальнейшей разработке.

Key words: Palaeolithic, East Europe, mammoth, hunting, collecting, history of science.

Cuvinte cheie: paleolitic, Europa de Est, mamut, vânatoare, colectare, istoria științei.

Ключевые слова: палеолит, Восточная Европа, мамонт, охота, собирательство, история науки.

Все согласны с тем, что предлагаемая теория безумна. Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться еще и верной?

Нильс Бор

Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей...

Карл Маркс

1. Введение

В последнюю четверть века в науке резко возрос интерес к проблеме взаимоотношений палеолитического человека и мамонта (шире: хоботных). Особенно остро эти проблемы обсуждаются в русскоязычной литературе, что неудивительно. Кости хоботных встречаются на палеолитических памятниках самых различных регионов, причем с древнейших эпох (олдувай, ашель). Но именно в Восточной Европе расположена уникальная серия верхнепалеолитических стоянок с большим количеством костей мамонта, где этот материал применялся не только для изготовления различных поделок, но и для домостроительства, для отопления и освещения жилищ и т. д. В период функционирования этих стоянок именно мамонт служил основой всего жизнеобеспечения населения; в процентном отношении его костные остатки абсолютно преобладают над остальными видами.

Только известных памятников такого типа на Русской равнине насчитывается около трех десятков. В целом указанное явление с полным правом можно считать исключительно восточно- и центральноевропейским культурным феноменом, сложившимся в среднюю пору верхнего палеолита, причем преимущественно восточноевропейские памятники доминируют.

При обсуждении проблемы «человек и мамонт» в литературе традиционно фигурируют

две концепции или модели — «охотничья» и «собирательская». Согласно первой, скопления костей мамонта в культурных слоях стоянок представляли собой результат удачных охот, интенсивной добычи этих животных, производившейся на протяжении многих тысячелетий. Вторая концепция, напротив, рассматривает присутствие костей мамонта на памятниках исключительно, как результат эксплуатации естественных скоплений останков животных (отдельных погибших особей или т. н. «мамонтовых кладбищ»).

Разумеется, наряду с «крайними» точками зрения, всегда существовали и «промежуточные», стремившиеся, в той или иной мере, свести факты воедино и объяснить существующие противоречия. Так, в частности, в работах М. В. Аниковича и Н. К. Анисюткина материал был четко распределен хронологически и территориально. При этом для одних эпох и культур признавалась справедливость «собирательской» трактовки, для других — «охотничьей» (Аникович 1998; 2009; Анисюткин 2003–2004; Аникович, Анисюткин 2001; 2001–2002; Аникович, Кузьмина 2001).

На разных этапах дискуссии в литературе периодически активизировались то сторонники собирательства, то сторонники охоты. Стоит вспомнить: в 1950–1970-х гг. концепция активной охоты на мамонтов для большинства отечественных палеолитоведов представля-

лась чем-то само собой разумеющимся. В последние три десятилетия, напротив, все громче звучат голоса сторонников собирательства. В связи с этим отметим одно немаловажное обстоятельство: в современных работах, как правило, очень мало внимания уделяется историографии проблемы. Обычно только в общих чертах упоминается, что данный вопрос имеет солидную историю. Но более-менее серьезному обсуждению подвергаются лишь позиции ныне действующих участников дискуссии или, в лучшем случае, публикации середины — второй половины XX в. (Сергин 2001: 346; Мащенко 2009: 403–404 и др.). В нашей статье мы постараемся в какой-то мере восполнить этот пробел, особо обратившись к истокам проблемы «человек и мамонт» в археологической литературе. Начало дискуссии на эту тему восходит отнюдь не к середине прошлого, а к семидесятым годам позапрошлого столетия.

Данный вопрос мы считаем чрезвычайно важным. Периодическая смена доминант (парадигм) в дискуссии, растянувшейся на многие десятилетия, поневоле заставляет предполагать тут определенную закономерность. У истоков этой закономерности стоит не одно

банальное количественное накопление материала (хотя и его, конечно, нельзя игнорировать). Не меньшую роль играют особенности мировоззрения ученых, принадлежащих к различным поколениям или группировкам (социальным, идеологическим и т. д.). Это те «носящиеся в воздухе» общетеоретические представления, без которых не обходится ни один исторический период и которые всегда заметно сказываются на подходах к более частным проблемам.

В этой связи наша работа включает в себя обширную историографическую часть — детальное рассмотрение начального этапа дискуссии, ныне почти забытого, а на деле весьма поучительного. Основная часть посвящена имеющимся на сегодняшний день собственно археологическим данным и критическому разбору двух вышеупомянутых концепций. В итоге этого разбора предлагается третья, альтернативная модель, в значительной мере устраняющая (как мы надеемся) недостатки двух первых.

Сразу оговорим: изложение этой новой модели в данной статье носит сугубо предварительный характер. Ее детальная разработка — дело будущего.

2. История проблемы

2.1. Общие замечания

Начало дебатов о роли мамонта (шире — мегафауны) в жизни первобытного человека практически совпало по времени с открытием первых памятников палеолита на Русской равнине. В 1873 г. были разведаны Гонцы (левобережье Днепра), в 1877 г. — Карачарово (бассейн Оки), в 1879 — верхний слой Костенок 1 (Средний Дон). Волею судеб все они оказались позднепалеолитическими стоянками с большим количеством костей мамонта. В результате указанная проблема была вынесена на обсуждение одной из первых, уже на рубеже 1870–1880-х гг. Выше уже говорилось, что в ходе этого обсуждения сразу обозначились две противоположные концепции. Первая представляла обитателей стоянок как *охотников на мамонтов*, вторая — как *собирателей их костей и пожирателей падали*.

Создателями первой концепции стали

Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884) и *Иван Семенович Поляков* (1845–1887). Вторая была сформулирована *Василием Васильевичем Докучаевым* (1846–1903) и *Александром Ивановичем Кельсиевым* (?–1885). И в том, и в другом случае исследователи ссылались на собственные наблюдения, сделанные в ходе раскопок Карачарова (Уваров, Поляков, Докучаев) и Костенок (Поляков, Кельсиев). Впрочем, все эти наблюдения — по сути, первые впечатления от раскопок — были еще не систематизированы, не проверены и не имели под собой прочной методологической основы. Авторы изначально основывались не столько на фактах и прямых свидетельствах, сколько на косвенных свидетельствах и усвоенных ранее общих представлениях. Остается удивляться, насколько четко удалось им обозначить свои позиции.

2.2. Формирование «концепции охоты»: А. С. Уваров и И. С. Поляков

Непосредственное знакомство ученых-естествоведов с материалами Карачарова и участие их в раскопках стало возможным, благодаря инициативе первооткрывателя этой

стоянки графа А. С. Уварова, прекрасно отдававшего себе отчет в важности своей находки и необходимости ее всестороннего, комплексного исследования. «Желая ... подтвердить

справедливость моего мнения свидетельством ученых, специально занимающихся исследованиями по первобытной археологии, я пригласил... профессора В. Б. Антоновича, И. С. Полякова и В. В. Докучаева проверить мою находку и присутствовать при дальнейшем исследовании той же местности...» (Уваров 1881: 112). Можно констатировать, что двое последних, действительно, внесли ощутимый вклад в разработку материалов Карачарова, хотя в одном из них (В. В. Докучаев) автор раскопок встретил непримиримого оппонента, а в другом (И. С. Поляков) — принципиального единомышленника.

А. С. Уваров изначально трактовал Карачаровскую стоянку как место, «где первобытные люди убивали, делились добычей и съедали мясо мамонта» (Уваров 1884: XXXV). В основе его гипотезы лежало допущение, что палеолитический человек использовал при охоте на мегафауну «ловчие ямы». Это предположение строилось по аналогии с этнографически известными способами ловли слонов в Индии: «Каким образом мог человек с отбивными орудиями из кремня решиться на борьбу с колоссальными мамонтами и при этом надеяться преодолеть такого сильного зверя? Успех охоты на мамонтов может объясняться только тем способом ловли, какого в наше еще время придерживаются индейцы (т. е. индусы. — авт.) при охоте за слонами. Они вырывают глубокие ямы, в которые падает слон... Таким же образом поступал, вероятно, и первобытный человек. Он убивал усталого зверя большими камнями...» (Уваров 1881: 159–160).

Подобное предположение на практике рождало массу вопросов — уж слишком различались и климат, и техническая оснащенность населения феодального Индостана, с одной стороны, и Русской равнины в период поздневалдайского оледенения, с другой. Но, по иронии судьбы, именно эти представления оказались прочно закреплены в массовом сознании с помощью «первобытного» панно В. М. Васнецова в первом зале Исторического музея в Москве. В дальнейшем они многократно тиражировались и популярной, и художественной литературой — в России и за рубежом.

И. С. Поляков, в свою очередь, не сомневался в том, что останки мегафауны на стоянках Русской равнины есть результат именно охотничьей деятельности палеолитического человека. Однако по целому ряду позиций он уточнил и откорректировал первоначальную уваровскую трактовку и, в конечном счете, сумел развить ее до уровня «концепции охоты». Хорошо изучив рельеф местности в районе

Карачарова, а затем Костенок, где им были обнаружены новые памятники с большим количеством костей мамонта¹, ученый резонно указал: в подобных условиях никаких «ловчих ям» для охоты не требовалось.

«Наши современники мамонта, живя в климате холодном, где господствовали зимы, изобиловавшие снегом, могли охотиться за мамонтом и его спутником носорогом весной, по насту, загоняя их в овраги, заполненные снегом, причем сами могли пользоваться лыжами. Одним словом, они могли располагать при охоте на больших млекопитающих теми двумя способами — ямами и промыслом по насту, который до сих пор господствует в лесной полосе Сибири и России, например, у Зырян и Остяков. ...Первобытные обитатели эпохи мамонта, как в нынешней Воронежской губернии, так и около Карачарова, должны были представлять прообраз нынешних Остяков и Самоедов по их жилищу, так как они жили не в пещерах, а на открытом воздухе...» (Поляков 1882: 118).

С методологической точки зрения, И. С. Поляков привлекал историко-этнографические параллели правильнее, чем А. С. Уваров. В качестве аналогий им были выбраны народы, жившие в условиях, максимально приближенных к тем, что реконструировались по данным первых раскопок палеолитических стоянок Русской равнины — обитатели тундры и тайги, охотники по преимуществу. При этом ученый полагал: сходство может распространяться на целый комплекс признаков, в том числе и на характер домостроительства. Этот последний тезис, конечно, явился для 1880-х гг. типичным «забеганием вперед».

Разумеется, отдельные детали картины, очерченной И. С. Поляковым, сейчас могут быть оспорены. Например, он не мог знать, что для пика холода поздневалдайского оледенения были характерны не «изобиловавшие снегом», а, наоборот, малоснежные зимы. Нет и достоверных данных о наличии в верхнем палеолите лыж. Тем не менее, общий смысл уточнения, внесенного им в «концепцию охоты», совершенно ясен и вполне актуален. Согласно ему, искусственные ловчие ямы не являлись обязательным атрибутом такой охоты. Естественные обрывы балок и оврагов, а также покрытые настом болота как нельзя лучше могли служить для загона и забоя животных.

¹ В 1879 г. И. С. Поляковым производились работы на стоянках, позднее получивших номенклатурные названия: Костенки 1 (верхний слой) (стоянка Полякова) и Костенки 18 (Хвойковская стоянка) (Аникович и др. 2008: 16–17).

2.3. Идейная подоснова «концепции охоты»: бэровская традиция в отечественной археологии

Какой комплекс идей лежал в основе «охотничьей» концепции? Взгляды А. С. Уварова и И. С. Полякова на палеолитическое человечество станут понятнее, если рассматривать их в русле традиции, которая была сформирована в России середины — третьей четверти XIX в. академиком К. М. Бэр. Именно эта традиция безоговорочно доминировала на начальном этапе исследований в области антропологии, этнографии и первобытной археологии в России (1840–1860-е гг.). Заметным было ее влияние и в дальнейшем.

Карл Максимович Бэр (1792–1876), основатель эмбриологии как науки, стал, в то же время, одним из пионеров исследования Человека «в естественно-историческом отношении» (Бэр 1851). Он первым четко сформулировал в русской научной литературе проблему «влияния внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» (Бэр 1849). В 1860-х гг. именно Бэр было положено начало археологическому собранию доисторических древностей в музее ИАН и очерчен общий подход к этим источникам, как к своеобразным «документам» по истории первобытности (Бэр, Шифнер 1862).

К. М. Бэру была близка идея эволюции в человеческой культуре. Ориентируясь на последние достижения скандинавской археологии (в первую очередь, Х. Томсена — Й. Ворсё), он считал, что «весь род человеческий» прошел ряд общих ступеней развития, имевших, впрочем, большую специфику в разных странах в различные времена. При этом ученый ограничивал действие естественного отбора рамками одного вида и решительно не признавал его ключом к пониманию процесса «очеловечивания». Накопление мелких изменений, с его точки зрения, никак не могло повести к образованию новых видов (Бэр 1865: 12).

Человека каменного века К. М. Бэр изначально воспринимал, как полноценного человека, отказываясь видеть в нем «переходное звено» от животного состояния к культурному: «...человек сотворен нагим и беззащитным, но с оконечностями, вполне развитыми для изготовления орудий защиты, с мыслящим духом и даром слова...» (Бэр 1863: 2). Убежденный моногенист, человек гуманистических убеждений, ученый горячо отстаивал идею видового единства человечества и равенства рас. В 1850-х — начале 1860-х гг. именно его идеи и программы легли в основу таких предприятий, как исследование Л. И. Шренком амурских народностей и экспедиция Н. Н. Миклухо-

Маклая на Новую Гвинею (Райков, 1950: 19).

«Бэровская традиция» оказала большое влияние и на А. С. Уварова, и на И. С. Полякова. Первый сформировался как ученый в 1850-х гг., второй — в конце 1860-х гг. Авторитет К. М. Бэра в кругах русских естествоиспытателей и археологов указанного периода был огромен, несмотря на преклонный возраст академика и отход его (в 1860-х гг.) от организационных дел. В то же время, И. С. Поляков принадлежал к иному поколению, захваченному, в массе своей, новыми веяниями — дарвинизма и спенсерианства. Отсюда проистекает некоторая противоречивость его воззрений.

Мимоходом, в преамбуле он тоже мог заявить: «Человек, как все другие органические создания, подчиняется закону постепенного развития...» (Поляков 1881: 382). Однако стоило перейти от слов к делу, от общих представлений — к конкретным проблемам, как становилось ясным: «постепенное развитие» лишь в последнюю очередь рассматривается Поляковым как двигатель человеческой истории. На первое место он без колебаний ставит взаимодействие народов и культур, их смешение: «...Если бы не посторонняя помощь, если б не приток свежих сил извне, наши обитатели каменного века до сих пор ... продолжали бы свою жизнь в её более-менее первобытной форме...» (Там же: 401–402).

И еще одна особенность отличала И. С. Полякова и А. С. Уварова от их современников — приверженцев однолинейного эволюционизма, о которых речь пойдет ниже. Этой особенностью было своеобразное уважение к предмету своих исследований — первобытному человеку, воспринимаемому, вполне в бэровском духе, как *полноценный человек* — мыслящий и творческий. В их работах мы не найдем сентенций о «примитивности» тех или иных человеческих сообществ, о принадлежности их к «низшей ступени развития», «низшей расе» и т. д. Между тем, в европейской антропологии XIX в., включая новейшую школу П. Брока, представление о высших и низших расах являлось чем-то само собой разумеющимся.

Идея постепенного и неуклонного развития техники и технологий, нашедшая свое отражение в «системе трех веков», принималась и А. С. Уваровым, и И. С. Поляковым безоговорочно. Однако «простота изделий» древнего человека лишь в определенной степени отражала для них «простоту нравов».

А. С. Уваров подчеркивал, что первобытный человек не довольствовался в быту предметами сугубо практической необходимости: ему были «не чужды понятия о красоте» (Уваров 1881: 33). Резким контрастом модной тогда идее «человека-зверя» звучали замечания

И. С. Полякова о «сообразительности людей палеолитического периода», об «изяществе отделки» костенковских орудий и даже о «значительном культурном развитии», которого достиг палеолитический человек «на равнинах Европейской России» (Поляков 1880: 34).

2.4. Идейная подоснова «концепции собирательства»:

В. В. Докучаев

Истоки противоположной концепции («собираательской») не вызывают никаких сомнений. Это установки классического, однолинейного эволюционизма «Золотого века» (т. е. первых 10-летий после выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина). Согласно им, палеолитический человек просто обязан был представлять собой исключительно примитивное, звероподобное существо. Ведь его развитие едва успело начаться и шло как бы с нуля, от «животной природы».

Именно с таких позиций подошел к материалам Карачарова В. В. Докучаев. Для него вся уваровская коллекция — это просто «масса кремневых осколков, найденных в Карачаровском овраге». Замечание А. С. Уварова о наблюдаемой «типичности» (т. е. серийности) форм орудий отмечается с ходу: «...граф Уваров считает их, *основываясь на форме*, типичными палеолитическими орудиями; я же признаю их таковыми только потому, что они найдены были тесно перемешанными с костями животных, встречены *массами* на небольшом пространстве и сопровождались углем и расколотыми человеком костями... Кабы не “побочные обстоятельства”, я и многие другие признали бы их за простые осколки кремня...» (Докучаев 1882: 4).

Расправившись таким образом с развитой верхнепалеолитической индустрией Карачарова, основанной на технике пластинчатого скола и включавшей такие изделия, как скребки на правильных ножевидных пластинах; округлые скребки с шипом; скошенные острия и проколки с противоположающей ретушью и т. п. (Праслов и др. 2002: 162–164, рис. 2–3), В. В. Докучаев с той же безапелляционностью рассматривает авторский вариант интерпретации этих находок. «К еще менее понятным увлечениям... графа Уварова принадлежит мнение, будто человек палеолитической эпохи мог убивать мамонтов... Невольно возникает вопрос, чем же он ранил и убивал зверей? При помощи каких орудий он выкапывал ямы, достаточные для того, чтобы в них могли погибнуть мамонты и носороги? *Насколько известно* (курсив наш. — авт.), в распоряжении палеолитического человека

находились только — сук от дерева, простые гальки и осколки от кремня, причем величина этих последних обычно не превышала 4–5 дюймов. Ко всем этим орудиям присоединялись свои собственные пальцы и кулак... При помощи таких орудий едва ли и современный человек сумел бы одолеть даже обыкновенного волка и кабана...» (Докучаев 1882: 7).

Из рассуждений В. В. Докучаева отчетливо видно: и образ жизни палеолитического человека, и его принципиальные возможности казались ему ясными априорно, вне зависимости от той информации, которую могли дать карачаровские находки. Исходя из указанных априорных представлений, ученый и сформулировал свой непреложный вывод: если люди палеолитического периода и ели мясо мамонтов, то «исключительно падаль» (Там же).

В. В. Докучаеву удалось подметить одно действительно слабое место уваровской гипотезы — пресловутые «ловчие ямы», в которые люди якобы загоняли мамонтов (см. выше). Сразу оговорим: ямный способ ловли слонов на мясо был зафиксирован и описан уже во времена Уварова и Докучаева путешественником П. де Шаллю применительно к экваториальной Африке (Chaillu 1902: 183). Более того, «как показывает опыт, яму длиной три-четыре метра и глубиной в три с половиной-четыре метра пять-шесть человек могут вырыть летом в рыхлом речном аллювии за пять-шесть часов, пользуясь заостренными палками, ребрами мамонтов и острыми грудными позвонками бизонов. Вытаскивать и относить землю в сторону можно в мешках из шкур. Однако при наличии на глубине полутора метров многолетней мерзлоты такая операция бесконечно осложняется...» (Верещагин 1979: 145). Поэтому применение «ям-ловушек» в охоте на мамонтов, действительно, изначально вызывало сомнения. Но почти одновременно с рецензией В. В. Докучаева из печати вышла новая книжка И. С. Полякова, где первоначальные уваровские представления об охоте на мамонтов оказались заметно скорректированы (Поляков 1882). Таким образом, указание на принципиальную невозможность выкапывания огромных ям с помощью палео-

№1. 2010

литических орудий потеряло весь свой смысл и остроту.

Другие его исходные положения (как то: отсутствие в палеолите мощных, специализированных орудий охоты; примитивность орудийного набора в целом и карачаровской индустрии в частности; представление о носителе этой индустрии как о «первобытном

троглодите», чье главное оружие — сук от дерева да кулак и т. п.) ныне давно отошли в область недоразумений, историографических казусов. Впрочем, конечный вывод, основанный на этом «сплошном недоразумении», остается актуальным до сего дня. В разное время «под этот вывод» подбирались все новые аргументы.

2.5. Уточнение двух концепций: И. С. Поляков и А. И. Кельсиев

2.5.1. А. И. Кельсиев: этапы творческой биографии

Говоря об окончательном формировании «концепции собирательства» в русской археологии палеолита, необходимо прежде сказать несколько слов об ученом, положившем начало представлениям о стоянках с большим количеством костей мамонта как о «мамонтных кладбищах», утилизовавшихся людьми палеолитической эпохи. Этот ученый — А. И. Кельсиев. Ему очень не повезло в археологической научной традиции. Правда, имя второго исследователя Костенок и теперь «на слуху» у палеолитоведов. Но чаще всего это имя кочует из публикации в публикацию лишь как необходимая ссылка. Статью же его о Костенках (Кельсиев 1883), содержащую целый ряд нетривиальных для своего времени мыслей — почти никто не читал. Мало внимания обратили на нее и современники.

О самом А. И. Кельсиеве нам известно немного. Не установлен даже год его рождения. Но умер он молодым, судя по характеру упоминания его в «Предсмертной записке» В. И. Бутовского, директора Строгановского училища технического рисования в Москве. Указанный документ составлялся в 1881 г. — том самом, когда А. И. Кельсиев производил в Костенках свои раскопки.

«...Покуда я чувствую себя в совершенном уме и памяти, — писал умирающий В. И. Бутовский, — считаю долгом моим указать, что по кончине моей, по моему убеждению, директором Строгановского училища ... мог бы быть ... генерал-майор Е. В. Богданович; но если он не пойдет, то служащий в Политехническом музее Александр Иванович Кельсиев. *Этот молодой человек на месте Директора училища принесет несомненную пользу всему государству...* (курсив наш. — авт.)» (цит. по: Аксенова 2009). Заметим: когда составлялось это завещание, упомянутому в нем «молодому человеку» самому оставалось жить всего 4 года.

Можно предполагать, что А. И. Кельсиев был примерно ровесником И. С. Полякова,

которому в 1879 г., на момент открытия Костенок, исполнилось 35 лет. Но к этому времени он успел (как, впрочем, и его оппонент) составить себе репутацию серьезного ученого. Работая хранителем в Политехническом музее, А. И. Кельсиев исполнял должность секретаря Общества распространения технических знаний в Москве, был членом МАО и ОЛЕАЭ. Его интересовали различные разделы археологии: он собирал материалы о каменных бабах, раскапывал древнерусские курганные могильники, а в 1876–1877 гг. совершил длительную экспедицию на Кольский полуостров.

Работы А. И. Кельсиева в русской Лапландии имели целью сбор материала для Антропологической выставки в Москве, в организации которой он принимал самое деятельное участие. По ходу их были предприняты и археологические изыскания — первые на полуострове (Кельсиев 1878). «...В саамских погостах А. И. Кельсиев проводил антропологические измерения, делал зарисовки, вел записи лингвистического и этнографического материалов, собрал... коллекцию резьбы по дереву, плетению из бересты и корней, вышивок бисером, предметов одежды, изображений родовых клейм...» (Кошечкин 2003). В приложении к опубликованному отчету упомянуты также чертежи и рисунки двух «вавилонов» (лабиринтов. — Н.П.). К сожалению, в настоящее время эти материалы утрачены, как, впрочем, и все остальные разработки А. И. Кельсиева, своевременно не попавшие в печать.

Сейчас нас интересует только одна его работа — та, что содержит его трактовку палеолитических стоянок Русской равнины с большим количеством костей мамонта (Кельсиев 1883). Однако приведенные выше биографические сведения помогают уяснить: исследования Костенок, начатые И. С. Поляковым, продолжил в 1881 г. отнюдь не дилетант, а, по тем временам, грамотный специалист, имевший опыт «ученых путешествий», этнографических и археологических наблюдений.

2.5.2. Работы И. С. Полякова и А. И. Кельсиева в Костенках

Раскопы А. И. Кельсиева на стоянке Костенки 1 / верхний слой располагались в непосредственной близости от раскопа И. С. Полякова. Описания, приведенные обоими исследователями, не позволяют сомневаться, что в ходе этих работ оказалась затронутой часть «жилого комплекса», аналогичного тем, что в дальнейшем раскапывались П. П. Ефименко, А. Н. Рогачевым, Н. Д. Прасловым и др. Только в XIX в. эти жилые зоны с высокой концентрацией культурных остатков еще назывались «пепелищами» (что представляло собой кальку с соответствующего французского термина: *foyers*).

К сожалению, точное место раскопок Полякова — Кельсиева установить невозможно, т. к. все их топографические привязки производились к крестьянским усадьбам. Выяснить характер расположения этих усадеб на плане села ныне весьма затруднительно. Большая часть архивных документов и планов землепользования в Воронежской губернии сгорела в пожарах во время Великой Отечественной войны. Впрочем, можно предполагать, что работы 1879 и 1881 гг. на Костенках 1 не затронули ни первый жилой комплекс, полностью изученный в 1930-х гг., ни исследованную часть второго жилого комплекса, открытого в конце 1950-х и раскапывавшегося с конца 1960-х по начало 1990-х.¹

Разумеется, современный историк находится в выигрышном положении: он, с достаточной степенью вероятности, может представить, с чем именно столкнулись И. С. Поляков и А. И. Кельсиев в своих шурфах и траншеях. Для них же самих это была головоломка со многими неизвестными. Решать ее приходилось с помощью интуиции, дополняя свои наблюдения и аналитические данные гипотетическими допущениями, привлекая на помощь весь предыдущий опыт путешественника и этнографа.

При написании своей статьи А. И. Кельсиев уже был знаком с публикациями, содержащими первые разработки материалов палеолитических стоянок Гонцы и Карачарово, а также с трудами своего предшественника, оперативно опубликовавшего предварительный отчет о работах в Костенках (Поляков

1880: 9–43; см. также: Поляков 2008). Вслед за И. С. Поляковым, А. И. Кельсиев тоже обратил внимание на значительную площадь распространения культурных остатков, с одной стороны, и неравномерность их распределения в слое, с другой; отметил наличие «пепелищ», имевших свои границы, а также вероятную «многочисленность и общественность населения» (Кельсиев 1883: 23). Зато варианты интерпретации памятника, предложенные этими двумя исследователями, оказались принципиально различными.

2.5.3. Человек и мамонт на Русской равнине: трактовка И. С. Полякова

И. С. Поляков радикально порвал с пространенной традицией, представлявшей палеолитического человека как человека исключительно «пещерного». «...Я... очень хорошо помню пещерную теорию первобытного жилья, — писал он, — помню... и то, что при обсуждении вопросов, касающихся глубокой древности человека, нужно прежде всего иметь в виду факты, а не теорию, хотя бы даже касающуюся пещерных жилищ, которую... в последнее время многие из занимающихся судьбами первобытного человека начали с увлечением переносить из богатых пещерами гористых стран Западной Европы на равнины Европейской России... Вполне отдавая справедливость сообразительности людей палеолитического периода, способностям их пользоваться всеми теми удобствами, которые создавала им природа, в том числе и пещерами, ... я однако же должен указать на три случая нахождения следов палеолитического человека в различных пунктах Европейской России, и во всех этих случаях человек жил на открытом воздухе; так было около Карачарова, около Гонцов на р. Удае, и то же мы видим в Костенках. ...Отсюда следует, что во времена глубокой древности не одни только пещеры служили жильем человеку и что он ... должен был устраивать себе жильё, ... наподобие нынешнего самоедского или остяцкого...» (Поляков 1880: 33–34).

С этих позиций И. С. Поляков трактовал стоянку Костенки 1 / верхний слой, как поселок палеолитических охотников (более-менее долговременный — иначе как бы там успели скопиться кости такого количества зверей?). Предположительно, поселок состоял из жилищ типа «зимних чумов остяков, самоедов и тунгусов» (Там же: 33). Еще не располагая методикой, позволяющей зафиксировать при

¹ В последнем случае полной уверенности нет, т. к. в ходе раскопок были зафиксированы отдельные следы шурфов предшествующих лет. Однако достоверно опознать в них места работ И. С. Полякова, А. И. Кельсиева, Н. И. Криштафовича или С. И. Круковского тогда не представлялось возможным.

№1. 2010

раскопках конструктивные элементы жилищ, он все же недвусмысленно определял «пепелища» как остатки собственно *жилого пространства*:

«...В таких именно местах, изобилующих костями и орудиями, появлялась зола и в большом количестве пережженные кости, угли, а также пережженные камни; очевидно, в таких пунктах человек жил и разводил огонь; здесь он сидел, отдыхал и грелся, также готовил себе пищу... Из числа орудий, встречающихся обыкновенно с массой костей, золы и угля, большая часть — самые лучшие экземпляры, хорошо, даже изящно обделаны. В других же местах, где мало костей, встречаются только осколки кремня; значит, около пепелища человек употреблял орудия в дело, здесь... он готовил их, отбрасывая осколки в сторону от очага...» (Там же: 24).

Можно отметить еще, что И. С. Поляков внимательно фиксировал (по крайней мере, в описаниях) характер находок мамонтовых костей на разных участках культурного слоя. Не умея объяснить эти особенности, он, тем не менее, заострял внимание на том, что в одном «пепелище» находились остатки животных различных возрастов — «от самого юного до самого совершенного» (Там же: 26). Не укрылась от него и другая особенность: «...Замечательно то, что обломки лопаточных частей были сосредоточены по преимуществу в одном месте... Вообще нужно заметить, что кости были как-то сортированы, так как выше я уже указал пункт, в котором по преимуществу были сосредоточены бивни...» (Там же: 27).

Решающим аргументом в вопросе об охоте на мамонта служило для И. С. Полякова резкое, бросающееся в глаза преобладание костей этого зверя над остальной фауной Карачарова и, особенно, Костенок 1/верхний слой. Впечатляло и количество особей: лишь в одном углу «пепелища» в раскопе 1 И. С. Поляковым были определены остатки, как минимум, 10 мамонтов (Там же).

Такое преобладание изначально наводило на определенные выводы: «...Мамонт... был как бы единственным животным, на которого были обращены все взоры, силы и внимание человека; можно сказать, что человек был хищным спутником мамонта... Все три раскопанные мною пункта (в Костенках. — авт.) указывают на весьма тесное отношение ... палеолитического человека к мамонту... Что человек питался мамонтом, видно из разбитых его трубчатых костей, встречающихся около пепелищ; там, где кости были вдали от жилья, они остались не расколотыми... Человек

того времени обладал, очевидно, аппетитом в большей степени, чем современный; *чем же он мог питаться, кроме мамонта?* — *Кости других животных около пепелищ составляют ничтожную величину...* (курсив наш. — авт.)» (Там же: 31–32).

Так выглядела, в сжатом виде, трактовка И. С. Поляковым стоянок Русской равнины с большим количеством костей мамонта. Все жизнеобеспечение палеолитических сообществ, оставивших эти стоянки, основывалось на мамонте и только на мамонте. Единственно возможным способом его в данных условиях ученый полагал охоту на мегафауну.

Выше уже отмечалось, что гипотеза И. С. Полякова о характере палеолитического домостроительства явилась для XIX в. фатальным «забеганием вперед». Современники ее не заметили, а потомки не вспомнили — даже тогда, когда 50–80 лет спустя предположение Полякова блестяще подтвердилось, и на палеолитических стоянках оказались достоверно зафиксированы остатки жилищ (в том числе каркасных построек типа чумов). Ныне, почти полтора века спустя, листая полузабытые странички его трудов, приходится только удивиться, насколько опережали свое время высказанные им идеи.

2.5.4. Человек и мамонт на Русской равнине: трактовка А. И. Кельсиева

А. И. Кельсиев наблюдал в Костенках то же самое, что и И. С. Поляков, но интерпретировал полученные данные с совершенно иных позиций. Стоянка представлялась ему вообще не поселением, а лишь местом, где палеолитический человек находил себе пищу в виде замерзших туш мамонтов. Места обитания людей той эпохи ученый, в полном соответствии с господствующей традицией, связывал с меловыми пещерами. Предположения своего предшественника о наличии на самой стоянке наземных жилищ он предпочел не заметить:

«...Человек палеолитической эпохи, как по преимуществу пещерный обитатель, селился у подножия меловых скал еще и потому, что находил там трещины, расселины, пещеры, удобные для убежища... *Описанные здесь находки освещают нам только картину питания...* (курсив наш. — авт.)» (Кельсиев 1883: 24–25).

Как же выглядела эта «картина»? Подобно И. С. Полякову, А. И. Кельсиев отталкивался от фактов: а) наличия в слое огромного количества костей мамонта; б) преобладания этого

вида над всеми остальными; в) достоверной фиксации значительного числа особей на сравнительно небольших участках. «В Костенках от первого открытого пепелища обследован лишь край, но и на нем засвидетельствовано присутствие разрозненных остатков почти 20 колоссальных животных; в с. Карачарово еще на меньшем пространстве оказались остатки 14 мамонтов...» (Там же: 23).

При этом исследователь отмечал три момента, представлявших ему чрезвычайно важными. Во-первых, по его словам, на стоянках «не видно выбора для еды определенных частей организма» (т. е. не наблюдалось отбора костей по признаку пищевой ценности; присутствовали практически все) (Там же: 22). Во-вторых, «главная масса мамонтовых костей не имела ... признаков опаленности или обжога» (Там же: 14). В-третьих, уже тогда, на рубеже 1870–1880-х гг. было ясно: все эти горы мяса и костей занимали весьма обширную площадь.

«До сих пор неизвестно никаких данных, разъясняющих древние способы овладевать мамонтами, — писал А. И. Кельсиев. — В кухонных остатках не найдено ни одного орудия, которое можно было бы признать за наконечник стрелы или копья, увязнувший в мясе умерщвленного животного... В виду чрезвычайной трудности овладения мамонтами, их умерщвления и расчленения, сколь бы огромны ни были поселки того времени, изумительным является количество животных, потребное для одновременной трапезы... (курсив наш. — авт.)» (Там же: 22).

Здесь требуется небольшой комментарий. Упоминание об отсутствии орудий, засевших в мясе мамонта, не совсем точно. На деле, в монографии А. С. Уварова приведено два подобных случая, наблюдавшихся автором в Карачарове: «...В зубчатой оконечности ... кости воткнут был целый ножик. В суставе между двумя длинными костями находился также кремневый нож...» (Уваров 1881: 116).

В данном случае термин «ножик» не должен смущать. При общей неразработанности типологии и терминологии палеолитических индустрий Русской равнины во второй половине XIX в., «ножом» могла быть названа любая пластина или пластинка с острым краем (лезвием), служившая частью мощного вкладышевого орудия типа копья или дротика. Наличие вкладышевой техники в Костенках 1 / верхний слой является ныне установленным фактом. В Карачарове его, по меньшей мере, нельзя исключать. Но, разумеется, во времена Полякова — Кельсиева исследователи об этом даже не догадывались.

Тем не менее, следует признать: даже достоверное наличие кремневых вкладышей, засевших в суставах мамонта, не является прямым свидетельством охоты на него. Те же орудия с длинным и острым боковым лезвием вполне могли использоваться для разделки туш животных — как убитых, так и умерших от естественных причин. Это последнее представлялось А. И. Кельсиеву куда более правдоподобным. Его фраза о *единовременной трапезе* говорит сама за себя. Ученый не допускал и мысли, что перед ним остатки долговременного поселка. Исходя из этого, появление «кухонных остатков» неизбежно следовало признать результатом некоего единовременного акта. Какого?

«Мне кажется, что затруднение весьма упростится, — читаем мы в работе А. И. Кельсиева, — если допустить, что катастрофы ледникового периода могли ... губить и замораживать стада мамонтов, как это происходило в полярной Сибири; люди же палеолитической эпохи могли выбирать для поселков места, изобилующие ... такими естественными запасами провизии, обеспечивающей вернее, нежели бродячие стада. *Подобно зверям и собакам, питавшимся оттаявшим трупом Ижиганского мамонта*, который был... описан Адамсом, и первобытные люди могли извлекать куски животных ... и упитываться мясом лежалым и потому не столь твердым... (курсив наш. — авт.)» (Кельсиев 1883: 22–23).

В настоящее время уже можно считать достоверным: поздневалдайское оледенение, включая даже пик холода 20–18 тыс. л. н., вовсе не было для мамонтовой популяции периодом «катастроф». Экологические катастрофы связываются, напротив, с концом указанного периода — «глобальным потеплением» 16–15 тыс. л. н., ознаменовавшимся таянием вечной мерзлоты, разрушительными наводнениями, заболачиванием пойм и отчасти водоразделов (Чепальга 2005). Но следует сразу указать: формирование виллендорфско-костенковской археологической культуры, к которой относится стоянка Костенки 1/верхний слой, относятся к более раннему времени, вполне благоприятному для мамонтов — 24–23 тыс. л. н. (см. ниже).

Сейчас, после многих десятилетий непрерывных исследований, проводившихся в XX в. на стоянке Костенки 1/верхний слой, мы можем утверждать с полной уверенностью: жилые комплексы, зафиксированные здесь, являются очень сложными структурными объектами, при сооружении которых использовались в большом количестве кости мамонта (Аникович и др. 2008: 180–184).

Исключительная роль этого зверя во всем жизнеобеспечении поселений указанного типа получила полное подтверждение и на материалах других памятников (Мащенко 2009: 403). А вот ключевой тезис А. И. Кельсиева — а именно трактовку Костенок 1 / верхний слой как «мамонтового кладбища», постепенно поедавшегося приходившими сюда палеолитическими людьми — ныне можно считать опровергнутым.

Тем не менее, стоит признать: для своего времени это была, безусловно, интересная, оригинальная идея, подлежащая обязательной разработке и проверке. «Пионерный» характер идеи не вызывает сомнений (см. ниже). Приводя ей обоснования, исследователь закономерно обратил внимание на «отсутствие опаленности» мамонтовых костей из своих раскопок. Разумеется, с высоты нашего времени, это явление получает вполне правдоподобное объяснение. Ведь «кухонными остатками» археолог называл то, что служило, в действительности, строительным каркасом землянки или заполнением ямы-хранилища. А уж тут ожидать «обжога» суставных частей кости явно не приходилось. В то же время не подлежит сомнению, что очаги жилых комплексов Костенок 1/верхний слой топились именно костным углем, и огромное количество костей не просто обжигалось по краям, а сжигалось.

Важно и другое замечание А. И. Кельсиева — о том, что на стоянке, в конечном счете, обнаруживаются почти все кости скелета мамонта, и нет оснований говорить об отборе частей, ценных в пищевом отношении. Кстати, указанный момент до сих пор является «камнем преткновения» для сторонников обеих концепций — и «охотничьей», и «собираательской» (см. ниже).

Прямолинейные выводы А. И. Кельсиева о невозможности использования мяса мамонтов в пищу, кроме как в виде строганины, в дальнейшем были заметно скорректированы наблюдениями биологов и этологов XX в. над африканскими слонами. Но заслугой ученого можно считать то, что он вообще первым из археологов обратил внимание на особенности слона как промыслового зверя.

«Слоны совсем не удобоснедаемы, — отмечал он в своей работе. — За ними охотятся теперь или для приручения их ... или главным образом для добывания бивней. Есть редкие указания, что только южноафриканские негры, приготавливая запасы сушеного ломтиками мяса, не брезгают для этой цели и мясом слонов... Брем [Брем 1866. — авт.] ... решительно говорит, что от убитого слона в пищу мо-

гут идти только хобот и ноги, мышцы же так тверды, что лишь зубы негра в состоянии раздробить их. Дю-Шалью [Chaillu 1902. — авт.] уверяет, что 12 часов кипячения недостаточно для размягчения слоновьего мяса. Другие писатели называют слоновый язык вкусным, хвалят также ноги и хобот, печенье в горячей золе, но вообще и эти части плохо поддаются зубам европейца...» (Кельсиев 1883: 15).

В конечном счете, очерченные А. И. Кельсиевым яркие картины быта палеолитического человека прекрасно характеризуют воззрения самого исследователя на первобытность. С современной же точки зрения, они, как и доводы В. В. Докучаева, весьма уязвимы:

«Нахождение костей в разных пунктах ... может быть истолковано так, что обитатели, в виду приволья местности, исподволь меняли место еды, к чему они были вынуждаемы разложением брошенных остатков и удушливым запахом от них. Свежие куски от тех же оттаивающих трупов привлекались на другой пункт, и питание следовало в принятом порядке.

...Орудие человек брал в щепоть и скреб сырое, отчасти уже размягченное гнильстью мясо в ту сторону, куда была обращена плоская сторона (скребка. — авт.), и поскребки, быстро скопьявшиеся на ней, клал в рот или прямо с кремня, или подхватывая их пальцами другой руки... По насыщении, орудия оставались или просто брошенными на землю, или увязнувшими в недоеденном мясе...» (Там же: 23–24).

Предположение автора о том, что мясо мамонтов потреблялось сырым, в виде строганины, в принципе, не представляет собой ничего невероятного. Потребление сырого мяса в приполярных условиях было распространено во многих этнографических общностях и даже являлось биологической необходимостью. Это мясо нередко подолгу хранилось на морозе и в специальных ямах, представляя собой своеобразные первобытные «консервы». С точки зрения современного цивилизованного человека, оно было тухлым и несъедобным. Но падалью оно не бывало. Характерно, что А. И. Кельсиев так и не смог подобрать этнографических параллелей для реконструированной им «поведенческой стратегии». Пришлось удовольствоваться сравнением палеолитических людей со «зверьями и собаками». Между тем, как можно предположить, он был хорошо ориентирован в этнографии и являлся признанным специалистом по культуре саамов — жителей приполярной тундры.

На том этапе изученности материала, который был достигнут европейской археологией к началу 1880-х гг., кельсиевская рекон-

струкция «древнего быта» смотрелась вполне убедительно. По его представлениям, палеолитический человек охотно «упитывался» падалью (что, видимо, составляло его основное занятие) и мыслил исключительно примитивно. Он якобы даже не хранил свои орудия, а бросал их на месте, стоило ему удовлетворить сиюминутную потребность в этих предметах.

Стоит напомнить: 1879 год, памятный отечественным палеолитоведам как год открытия Костенок, в Западной Европе ознаменовался другим открытием — пещеры Альтамира с ее уникальными фресками. Так, волею судеб, на-

чало дискуссии «человек и мамонт» совпало по времени с дискуссией об Альтамире, в ходе которой ведущие археологи-эволюционисты (Г. де Мортилье и его ученики) на целых четверть века «похоронили» выдающееся открытие М. ди Саутуолы. Трактовка костенковских материалов, принятая А. И. Кельсиевым, полностью вытекала из этих, безраздельно господствовавших в европейской науке, однолинейно-эволюционистских представлений о звероподобном палеолитическом человеке, якобы не имевшем ни религии, ни настоящего искусства.

2.6. Продолжение дискуссии:

Ф. К. Волков

После бурного и многообещающего начала, дискуссия о взаимоотношениях палеолитического человека и мамонта надолго заглохла в научной литературе. Для нового спора долго не находилось пищи. В 1890–1900-х гг. на Русской равнине исследовалось мало палеолитических памятников, да и авторы их раскопок (Н. И. Криштафович, В. В. Хвойка и др.) вовсе не заостряли внимания на интересующей нас проблеме.

Эпизод, ознаменовавший собой возобновление ее обсуждения, относится к 1909 г., когда в ОРСА РАО выступил с докладом Федор Кондратьевич Волков (1847–1918). За год до того он открыл на Черниговщине новую стоянку с большим количеством костей мамонта (Мезинскую) и теперь представлял материалы своих раскопок в контексте уже известных памятников Русской равнины. В этом докладе впервые прозвучал (мимоходом) тезис автора о «геологических причинах скопления... большого числа костей [мамонтов]» (Волков 1913: 305).

Эти «геологические причины» вызвали недоумение и несогласие у слушавшего доклад А. А. Спицына. В результате Ф. К. Волков должен был остановиться на них подробнее. Он «пояснил свое выражение возможностью доказать гипотезу такого рода: скопление большого числа трупов мамонтов, носорогов и т. п., целых или уже в кусках, могли быть образуемы в углублениях береговых обрывов течениями, водоворотами или намывами рек; здесь трупы эти могли лежать долгое время замерзшими, как лежат и до сих пор трупы сибирских мамонтов, и лишь впоследствии, когда отступление ледника открыло туда доступ человеку, могли быть найдены первобытным человеком, который начинал ими питаться, как современные песцы Северо-Восточной Сибири. Расчленив же такие тяжелые туши на

части, а тем более перетаскивать их целиком, хотя бы и пользуясь водным путем, было бы первобытному человеку не по силам и не по средствам его примитивных орудий; а между тем, в некоторых стоянках обнаружены такие части мамонтовых скелетов, как, например, лопатки, части хребта, тазовые кости, которые указывают именно на присутствие тут некогда целого трупа, а не отдельных удобоотделяемых частей его...» (Там же: 305–306).

Здесь мы, в сущности, не встречаем ничего нового по сравнению с прежней аргументацией В. В. Докучаева и А. И. Кельсиева. Речь вновь идет о гипотезе, которая пока не доказана, но, с точки зрения автора, *может быть доказана* в будущем, ибо вполне соответствует его собственным представлениям о первобытности. Далее повторяется, только с большей детализацией, старый тезис А. И. Кельсиева о «катастрофах ледникового периода»; вновь отмечаются присутствие на стоянках костей от «целых трупов» мамонтов и примитивность палеолитической техники. Повторен и главный вывод Кельсиева: стоянка с большим количеством костей мамонта изначально должна была представлять собой мамонтовое кладбище, которое палеолитический человек постепенно поедал, «как современные песцы».

Любопытно отметить один момент, прозвучавший в докладе Ф. К. Волкова. «... Подобного рода гипотеза, — указывал он, — допускалась уже выдающимися европейскими учеными относительно очень аналогического скопления мамонтов на горе возле Пшедмоста в Моравии и... могла бы быть допущена и здесь...» (Там же: 306). Таким образом, в подтверждение изложенной точки зрения докладчик апеллировал к авторитетам европейской науки — в данном случае, австрийским и чешским. В связи с этим сто-

ит уточнить: научное открытие стоянки Пшедмость (Předmostí) произошло одновременно с открытием Костенок — в 1879 г. Однако первая серия публикаций о памятнике вышла только в 1886 г. (Й. Ванкель, К. Машка), вторая — в 1894 г. (К. Машка, К. Кршиж) (Ефименко 1938: 377, прим. 1). А. И. Кельсиев в 1886 г. был уже в могиле. Между тем, его собственная статья с изложением сходной концепции подготавливалась к печати уже в 1882 г., а в 1883 г. вышла в свет. Приоритет русского ученого в данном случае более, чем вероятен. Но, так или иначе, в 1909 г. на него никто не ссылался.

Оговорим: чтение доклада происходило до знаменитых раскопок молодого П. П. Ефименко в Мезине летом 1909 г., когда научному миру неожиданно открылись восточноевропейские палеолитические гравировки, костяная скульптура и предметы символического назначения. Впрочем, и после этого открытия основы трактовки Ф. К. Волковым восточноевропейских стоянок с «завалами костей» мамонта остались непоколебленными. Он всегда оставался самым убежденным сторонником теории однолинейного эволюционизма, в приложении к палеолиту (что и понятно, учитывая его принадлежность не просто к французской школе, но к ближайшему кругу учеников Г. де Мортилье).

2.7. Смена парадигм: П. П. Ефименко

Решительный отход от «модели собирательства» и объяснения феномена стоянок с большим количеством костей мамонта «геологическими причинами» связан с именем ученика Ф. К. Волкова П. П. Ефименко, а точнее — с его открытиями в области верхнепалеолитического домостроительства (начало 1930-х гг.). В частности, после того, как «кухонные остатки» на Костенках 1/верхний слой оказались сложнейшими, упорядоченными жилыми комплексами, включавшими краевые полуземлянки с каркасом кровли из бивней мамонта, а также ямы-хранилища, очаги и т. д., в отечественном палеолитоведении наступил своеобразный «культурный шок». Трактовка этих памятников как «мамонтовых кладбищ» отныне даже не обсуждалась — она разом отошла в область анекдотов. Реальных же остатков мамонтовых кладбищ в Восточной Европе известно не было (в отличие от Сибири и Америки). Соответственно, вопрос: «охотники или трупоеды?» потерял всякую актуальность. Он казался решенным.

В «программной» книге П. П. Ефименко «Первобытное общество» речь идет уже исключительно об охоте на мамонта, причем не только в верхнем палеолите, но и в более ранние периоды (Ефименко 1938: 392–393 и др.). Охотничий быт населения первобытной эпохи стал аксиомой на многие десятилетия. Стоит отметить: данное утверждение вполне согласовалось со схемой Морган — Энгельса, по которой строились все советские учебники истории первобытного общества. Однако на том этапе схема и конкретный материал не противоречили друг другу.

Еще в начале 1980-х гг. в книге А. А. Формозова о начале изучения каменного века в России однозначно говорилось о «несостоятельности» заключения В. В. Докучаева, будто палеолитический человек не охотился на мамонта, а лишь собирал его кости или питался падалью. «Хотя эту идею подхватили недавно В. И. Громов и Б. Ф. Поршнева, она не подтверждается фактами. Падалью брезгают даже антропоидные обезьяны, а данных об охоте палеолитических людей год от года накапливается все больше...» (Формозов 1983: 101).

2.8. Возобновление дискуссии

К 1990-м гг. практически все исходные посылки «концепции собирательства», сформулированные ее основателями, казались полностью опровергнутыми в ходе исследования памятников. Однако сама концепция вдруг обнаружила тенденцию к возрождению. Оснований этому несколько.

Во-первых, в массовом сознании всегда оставалось живучим представление о палеолитическом человеке, как о существе очень слабом. Слабом технически, морально, интеллектуально. Такое высокомерие по отно-

шению к прошлому является характерной чертой «века техники». Создавая вокруг себя все более сложную искусственную среду, наш современник, в то же время, остро ощущает свою зависимость от нее и свою собственную слабость — в случае, если защита, выстроенная с помощью техники, неожиданно рухнет. Нередко это мироощущение исподволь (и совершенно неправомерно!) переносится на минувшие эпохи — в том числе на палеолит, который в современном историческом познании есть воистину terra incognita.

На этой почве чрезвычайно легко возродить в сознании старую, идущую еще от XVII века, но упорно не желающую устаревать теорию «человека-зверя», наиболее ярко сформулированную Т. Гоббсом. Именно в наши дни, когда торжествует индивидуализм и на глазах ломаются многие общественные, религиозные, моральные ориентиры («условности»), возникает огромный соблазн объявить извращение нормой. Пожирание трупов как стабильная база культуры? — В самом деле: почему бы и нет? Вокруг нас творится столько «беспреддела», что кому-то, наверное, даже приятно сознавать: так было всегда. Так должно быть.

Разумеется, в возрастании популярности «модели собирательства» сыграло роль то, что именно эту модель предпочитают разрабатывать наши западные коллеги. Но оно и понятно: как уже говорилось, верхнепалеолитические стоянки с большим количеством костей мамонта представляют собой исключительно восточно- и центральноевропейский культурный феномен. В Западной Европе, Северной Азии и Америке памятники такого типа отсутствуют полностью. Там попросту не было палеолитических поселений, чья жизнедеятельность — как предполагают некоторые современные ученые — всецело основывалась на трупоедстве. Зато там — по крайней мере, в Северной Азии и на Американском континенте — издавна хорошо известны «костища», образовавшиеся в результате естественной гибели мамонтов.

Неудивительно, что западные ученые изначально подходят к восточноевропейским материалам со своих привычных позиций, и лишь с некоторым трудом корректируют их, под давлением археологической аргументации

(см. напр.: Соффер, 1993; Binford 1993; Klein, 1974; Meltzer, 1993; Soffer 1985; 1993; Soffer, Praslov 1993 и др.). Однако позиция западных коллег, несомненно, оказывает влияние и на наших отечественных исследователей. Ведь научное общение и сотрудничество, начиная с 1990-х гг., заметно расширилось, а в России испокон веку внедрилась привычка глядеть на «прогрессивный Запад» с некоторой долей подострастия. Даже весьма критически мыслящий поэт Иосиф Бродский, по собственным словам, долго не верил подсознательно, что по-английски можно сказать глупость. Лишь попав «за кордон» сам, он с грустью в этом удостоверился.¹

С научной точки зрения гораздо серьезнее выглядят другие аргументы, используемые ныне сторонниками «модели тотального собирательства». В последние десятилетия учеными-естественниками были получены новые данные, связанные с изучением современных слонов. Новейшие открытия (в т.ч. находка Е. Н. Машченко и его коллегами уникального Севского местонахождения) — показали, что, в принципе, эти данные приложимы и к мамонтам. Выявленные особенности биологии и этологии слонов заставляют всерьез усомниться в самой возможности проведения регулярных истребительных охот на группы этих животных. Из этого, в свою очередь, делается вывод, что мамонт ни в какой период не мог быть главным промысловым видом, а охота на него — основой жизни человека. Нечего и говорить: указанный вывод противоречит целому комплексу археологических данных.

Об этом и других аспектах возобновившейся дискуссии пойдет речь в следующих разделах нашей работы.

3. Человек и мамонт: о чем говорят археологические данные?

3.1. Человек и слоны на заре человеческой истории

Древнейшие следы активного использования человеком хоботных имеют возраст свыше 2 млн. л. н. В Восточной Африке в верхней части пачки I Олдувая, в горизонте 6 стоянки FLK № 1, а также в основании пачки II, были обнаружены два пункта разделки туш хоботных. В первом случае это почти полный скелет архаичного слона (*Elephas reckii*) и с ним 123 каменных орудия, во втором случае — расчлененные останки динотерия и 39 орудий (Кларк 1977: 64).

Примерно такой же возраст по данным геологов имеет исключительно интересная находка, сделанная в Греции, близ македонской деревни Пердикка. Здесь в песчаных

отложениях найден скелет южного слона и с ним 30 каменных орудий, изготовленных из галек известняка, кварцитовых отщепов и осколков. Как отмечают исследователи, это одно из древнейших в Европе местонахож-

¹ Известные кампании борьбы «с космополитизмом», «с низкопоклонством перед Западом» и т. п., проводившиеся, в том числе, и на государственном уровне, к сожалению, лишь подчеркивают эту особенность российского менталитета. Для контраста заметим, что в первой половине XIX в. в просвещенных кругах Европы (мы бы сказали: «среди европейской интеллигенции») наблюдалась явная идеализация Арабского Востока. Однако ни во Франции, ни в Соединенном Королевстве политических истерик по этому поводу почему-то не устраивали.

дений, синхронных ранним палеолитическим памятникам Восточной Африки (Hahn 1984: 124–125).

Конечно, залегание в культурном слое костей древних слонов совместно с каменными орудиями само по себе еще не является бесспорным доказательством систематической охоты на этих животных. В связи с этим оговорим: применительно к нижнему палеолиту самая возможность ведения человеком активной охоты (не только на хоботных) является предметом дискуссии. Так, в работах Л. Р. Бинфорда 1980-х гг. содержатся прямые утверждения, что «...человек довольствовался остатками трапез хищников, раскалывая кости, содержащие мозг...» и, таким образом, «...древнейшие гоминиды потребляли остатки пищи других животных, не конкурируя в данной экологической нише с другими видами» (Васильев 1997: 29). Как отмечает С. А. Васильев, здесь американский ученый (вероятно, сам того не ведая) почти дословно повторил гипотезу Б. Ф. Поршнева о подбрании падали как основе жизнедеятельности древнейших гоминид. В отечественной науке 1960–1970-х гг. эта последняя рассматривалась как курьез и дилетантство, но позднее стала обращать на себя все более пристальное внимание (Поршнева 2007).

По мнению Л. Р. Бинфорда, набор костных остатков на нижнепалеолитических стоянках отражает именно «подбор и расчленение падали». Только с эпохи мустье ученый допускает возможность активной охоты, и то лишь на мелких животных. С того же времени, по его мнению, начинается «целенаправленное изготовление, перенос и использование каменных орудий» (Васильев 2007: 30). Впрочем, С. А. Васильев, вполне сочувственно излагающий эти положения Поршнева — Бинфорда, сам далеко не так категоричен в своих конечных выводах. По его мнению, хронологическую привязку, предложенную упомянутыми авторами, принять невозможно. «Картина поглощающих падали и расчленяющих при помощи каменных орудий трупы животных троплодитид — скорее может быть отнесена к олдувайскому времени, а не ко всему нижнему палеолиту» (Там же: 31).

С этим последним утверждением можно согласиться — с одной оговоркой. Едва ли следует рассматривать и т. н. олдувай (или олдован) как единое целое. Не исключено, что под данным термином нами объединяются явления, различные по самой своей сущности, а именно: результаты деятельности высших человекообразных обезьян и собственно человека. Разработка указанной проблемы требу-

ет особого, сугубо индивидуализированного подхода к местонахождениям «олдувайской эпохи».

Что же касается последующего периода, то можно констатировать: начиная с ашеля археологические свидетельства активной охоты (в том числе на хоботных) не вызывают никаких сомнений. Находки такого рода становятся более выразительными и систематичными, сопровождаясь, к тому же, остатками деревянных копий-рогатин. Судя по характеру этих последних, а в некоторых случаях — и по их положению в культурном слое, применялись они именно для охоты на мегафауну.

В среднем палеолите кости различных слонов постоянно встречаются на стоянках совместно с костями других млекопитающих — быков, носорогов, оленей, лошадей, антилоп и проч. Иногда количество слоновьих костей и число определимых особей особенно впечатляют. Прежде всего, это относится к двум ашельским памятникам — Торральба и Амброн, расположенным всего в двух километрах друг от друга, на Кастильском плато (Испания, провинция Сорма, в 150 км к северо-востоку от Мадрида). Стоянки раскапывались Ф. Хауэллом и Л. Фримэном в начале 1960-х гг. На обеих стоянках в списке фауны абсолютно преобладают кости лесного слона, сочетающиеся с каменными орудиями, включая ручные рубила. По самым скромным подсчетам, в Торральбе выявлено не менее 45 особей этого вида. Накопление культурных остатков происходило там, по-видимому, в течение не менее 10 тысяч лет. Геологический возраст обычно определяется, как финально-миндельский (Viberson 1968: 252).

Обращают на себя внимание два обстоятельства: 1) в скоплениях костей и каменных орудий наблюдаются определенные закономерности; 2) и в Торральбе, и в Амброн скопления костей лесного слона залегают особо и представлены или практически целым набором костей скелета (Амброн), или, по крайней мере, его левой половиной (Торральба). Исследователи этих памятников связывают разный характер скоплений Торральбы с разными видами человеческой деятельности, причем скопление крупных костей интерпретируется как место забоя слона и первичной разделки его туши (Freeman, Butzer 1966: 119).

Большинство археологов сходятся на том, что оба этих памятника свидетельствуют об активной охоте на слонов уже в ашельское время, причем и Ф.-К. Хауэлл, и П. Биберсон предполагают, что слонов убивали здесь же, на месте стоянки (Viberson 1968: 260, 273–274).

Последнее весьма трудно себе представить. Однако, как бы то ни было, состав костей слона, равно как и положение их в культурном слое, говорят скорее о том, что мы здесь имеем дело с остатками именно охотничьей добычи, а не с продуктами избранного собирательства.

Что касается самих способов охоты, гипотетически реконструируемых по этнографическим параллелям для ашело-мустьерского времени в целом (Soergel 1922, Lindner 1937), и для Торральбы и Амброны в частности (Biberson 1968: 274–275), — то следует сразу же исключить использование ловчих ям. По археологическим данным, люди начали активно копать землю не ранее второй половины верхнего палеолита. Едва ли применялось в столь отдаленную эпоху и отравленное оружие. Наиболее вероятным способом остается нанесение зверю тяжелой раны (в область паха) и преследование его до тех пор, пока он не слабел, делаясь легкой добычей, или не умирал от потери крови. Этот способ охоты, вполне успешно применявшийся южноафриканскими пигмеями еще в XIX в., описан несколькими путешественниками-очевидцами (Бутце 1956: 228; Котлоу 1960: 92; см. также: Верецагин 1979: 148–152). Вполне возможно, в ходе такого преследования люди применяли облавную тактику, стараясь направить раненого слона в такое место, откуда он не мог бы выбраться, и в то же время удобное для переноса добычи на стоянку.

Археологическими свидетельствами именно этого способа охоты на слонов в ашельское время являются находки подходящего оружия: окаменелых обломков деревянных копий-рогатин, ударные концы которых были преднамеренно обожжены и обработаны. Такие находки известны и в Торральбе, и в Клактоне (Англия). Сравнительно недавно на нижнепалеолитической стоянке Шенинген (Германия),

в ископаемых торфяниковых отложениях были обнаружены наконечник дротика и два хорошо сохранившихся еловых копья, изготовленных явно по единому стандарту — длиной чуть более 2 м, с тщательно заостренными концами (Thieme 1999). «Геологические условия залегания находок не оставляют сомнений в том, что возраст их составляет не менее 300 тысяч лет» (Вишняцкий 2005: 186).

Наиболее выразительная находка подобного рода обнаружена в Германии, на местонахождении Леринген близ г. Вердена. Здесь при земляных работах в известковистом мергеле был найден скелет лесного слона, между ребер которого находилось копьё из тиса длиной 2,45 м. Острый конец его был обожжен, а затем тщательно обработан кремневым орудием. Следы скобления прослежены по всему предмету, но наиболее интенсивны они у острия (Adam 1951: 79–91, Bosinski 1985: 31). Здесь же было найдено 30 кремневых леваллуазских отщепов, частично ретушированных. Слой с костями слона и артефактами датируется рисс-вюрмским межледниковьем, что соответствует финальному ашелю — раннему мустье.

Таким образом, на основании имеющейся в настоящее время источниковой базы можно утверждать, что люди вполне могли охотиться и действительно охотились на хоботных задолго до появления в центре Русской равнины памятников, ставших предметом вышеупомянутой дискуссии. Выразительные находки охотничьего оружия, явно предназначенного для поражения крупных животных, на наш взгляд, заставляют с недоверием отнестись к выводам Л. Р. Бинфорда и его коллег, которые на основании археозоологических выкладок попытались радикально пересмотреть вопрос об охоте в нижнем и среднем палеолите. В данном случае степень информативности предложенных методов явно не соответствует выводам, на них основанным.

3.2. Человек и мамонт в мустьерское время

3.2.1. Собирательство

Исходя из схемы однолинейного эволюционизма, было бы логично предположить, что в последующий, мустьерский, период охота на мамонтов должна была вестись еще активнее. Однако этому противоречат археологические данные. Во-первых, стоянки мустьерской эпохи, на которых найдены многочисленные кости мамонта, ограничены пределами только юга и юго-запада Восточной Европы (Днестровско-Прутский регион, отчасти Крым и Северный Кавказ). Во всех остальных регионах кости

мамонта на мустьерских стоянках крайне редки. Во-вторых, пристальный анализ костного материала заставляет серьезно усомниться в том, что этот материал — продукт охотничьей добычи.

Этот анализ, проведенный Н. К. Анисюткиным, показал следующее. Во-первых, кости мамонта представлены определенным набором частей скелета (черепа, нижние челюсти, лопатки, тазовые кости, бивни и т. д.), которые мало продуктивны с точки зрения пищевой ценности. Прочие части скелетов, включая ребра, позвонки, пяточные кости и пр., еди-

ничны или отсутствуют вообще. Во-вторых, было отмечено, что кости эти имеют разную степень сохранности, как правило, худшую, по сравнению с сохранностью костей других животных на данных стоянках. Эти два обстоятельства позволяют предположить, что кости мамонта на рассматриваемых стоянках в массе своей являются результатом не охотничьей деятельности, а целенаправленных сборов (Анисюткин 2001; 2002).

Геоморфологически такая интерпретация подтверждается тем, что рассматриваемые стоянки были расположены в устьевых частях постоянных водотоков небольших рек, по которым во время сильных паводков выносился обильный материал, представленный обломками и осколками горных пород, галькой и гравием, которые образовывали обширные отмели. На последних во время паводков застревали (как это имеет место и сейчас) туши крупных млекопитающих — прежде всего мамонтов.

3.2.2. Для чего мустьерское население Приднестровья собирало крупные кости мамонта?

Вопрос далеко не праздный. Перетаскивать тяжелые бивни, черепа и трубчатые кости с отмели на стоянку — работа весьма трудоемкая. При этом совершенно очевидно, что как поделочный материал эти кости мустьерцев не интересовали. Активная обработка костей и бивней стала производиться уже в последующую верхнепалеолитическую эпоху.

Оригинальную и, на первый взгляд, весьма правдоподобную интерпретацию скоплений крупных костей мамонта на мустьерских памятниках бассейна Днестра предложил еще в 1960-х гг. А. П. Черныш. По его мнению, эти кости, включая черепа и бивни мамонта, представляли собой остатки долговременных жилищ. Крупные кости мамонта образовывали как бы круговые обкладки, внутри которых прослеживался насыщенный находками культурный слой, включая остатки нескольких кострищ (Черныш 1960, 1965, 1989).

Но, как указал в свое время Н. К. Анисюткин, такая интерпретация, являясь верной в своей основе, страдает явной модернизацией. А. П. Черныш, по существу, не делал различия между предполагаемыми конструкциями из крупных костей мамонтов мустьерской эпохи и округлыми жилищами аносовско-мезинского типа, возникшими на Русской равнине не ранее 20 тыс. л. н. Мы же считаем, что такие конструкции правильнее интерпретировать (по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев) как остатки ветровых заслонов. Так, например, следует признать сомнительным факт существования «большого многокамерного молодого жилища». Наиболее вероятно видеть здесь два сочлененных усложненных ветровых заслона, расположенных на подходящем для этой цели участке мыса. Все ныне известные структуры из крупных костей мамонта имеют удлиненную и овальную форму и не образуют каких-либо устойчивых типов (Анисюткин 2002).

Как правило, наиболее насыщенный находками культурный слой, своего рода жилая площадка, ограничен именно данными структурами. В пределах таких жилых площадок прослеживались следы нескольких кострищ, или, по крайней мере, скопления углей. Здесь же производились все циклы обработки камня, включая первичное расщепление. Наличие сплошного перекрытия таких площадок крайне проблематично. З. А. Абрамова справедливо полагает, что типичные ветровые заслоны не должны рассматриваться как подлинное жилище (Абрамова, Григорьева 1997: 10). Однако подобный способ выделения жилого пространства может рассматриваться в качестве одного из элементов домостроительства.

Возникает вопрос: нельзя ли проследить прямую эволюцию от описанных выше структур до настоящих «домов» из костей мамонта, известных в Восточной Европе в среднюю пору верхнепалеолитической эпохи? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть роль мамонта в человеческой культуре в раннюю пору верхнего палеолита.

3.3. Человек и мамонт в раннюю пору верхнего палеолита Восточной Европы

Хронологические границы ранней поры верхнего палеолита (далее: РВП) в разных частях Восточной Европы определяются по-разному — от 45–32 до 25–20 тыс. л. н. (Аникович и др. 2006; 2007). Это вторая поло-

вина средневалдайского мегаинтерстадиала, которая отличалась неустойчивым климатом, чередованием потеплений и похолоданий и соответствующей сменой ландшафтов. Леса и лесостепи, распространявшиеся в интер-

стадиальные периоды, уступали место ландшафтам открытого типа в периоды стадиялов. В археологическом отношении это время характеризуется большим разнообразием местных археологических культур, которые, впрочем, подразделяются на три основных типа: пережиточное мустье, симбиотические («архаичные») АК и «развитые» верхнепалеолитические АК.

Несмотря на разницу в местоположении стоянок и на их культурные различия, главенствующее место в списках фауны в подавляющем большинстве случаев занимает лошадь. По-видимому, она и являлась основным объектом охоты. Мамонт, как правило, не занимает даже второго места; в списках фауны на его долю приходится менее 10% (Молодова 5, слои X-VII; Костенки 6; Костенки 12, слои I-III; Костенки 8, слой II; Костенки 17, слой II и др.), а зачастую — десятые доли процента (Брынзены 1, слой III; Костенки 14, слои II-IV; Костенки 1, слой III; Костенки 15; Костенки 16). Впрочем, есть исключения: в двух нижних слоях Куличивки (Вольнь), датирующихся по В. П. Савичу в пределах 31–25 тыс. л. н., кости мамонта составляют около 60% (Савич 1975: 28–29).

Целенаправленной охоты на мамонтов на территории Русской равнины в РВП, по-видимому, не велось — по крайней мере, в подавляющем большинстве известных нам АК. Но именно в этот период мамонтовая кость активно использовалась в разных регионах и культурах для изготовления орудий и оружия, украшений и предметов искусства.

Напротив, крупные кости в качестве строительного материала в это время не применялись: широко распространенные на Русской равнине в РВП легкие наземные жилища типа чумов, округлые или овальные в плане, с очагом в центре, сооружались, вероятно, на каркасе из жердей. Отметим все же, что могильная яма на Костенках 15 (погребение ребенка) была специально перекрыта крупным фрагментом лопатки мамонта (Рогачев 1957: 111). В ходе раскопок культурного слоя III Костенок 1 в 2008 г. были выявлены остатки некой конструкции овальной формы, в которой использовались кости мамонта и лошади. Этот интереснейший объект пока не исследован, окончательная его интерпретация явно преждевременна. Но целенаправленный подбор и преднамеренное использование костей мамонта уже сейчас не вызывает сомнений.

Вероятно, люди охотно использовали для сбора костей и бивня естественные «кладбища» (там, где они были) или останки отдельных особей, погибших естественным путем.

Не менее вероятно и то, что, при удаче, они убивали отдельных животных. К сожалению, невозможно установить, какая часть останков мамонта, находимых на этих памятниках, является продуктом охоты, а какая — результатом собирательства. Даже для нижних слоев стоянки Куличивка, где доля мамонта составляет около 60%, без дополнительной информации мы не можем быть вполне уверены в том, что здесь имела место именно целенаправленная охота, а не более интенсивное собирательство. Можно лишь предполагать, что в некоторых культурах, особенно к концу РВП, значение мамонта в жизни людей заметно возросло, и добыча его стала более регулярной. Так, на стоянке Сунгирь (радиоуглеродный возраст ~28–23 тыс. л. н.) отмечается не только большое количество костей этого животного (процент, к сожалению, неизвестен), но и очень высокий технологический уровень их обработки: знаменитые копыя из выпрямленного бивня, ударные концы которых усилены рядами приклеенных чешуек кремня (Бадер 1984, 1998). Эти копыя, кстати, вполне могли использоваться и при охоте на мамонтов. Найденная здесь же, в парном погребении, бивневая фигурка мамонта является его древнейшим в Восточной Европе изображением.

Так складывались предпосылки, способствовавшие — уже в последующий период — образованию в центральной части Русской равнины особой историко-культурной области (ИКО). Для ее населения все важнейшие стороны жизнеобеспечения были теснейшим образом связаны с мамонтом. Вместе с тем, проделанный анализ приводит нас к однозначному выводу: между мустьерскими стоянками с большим количеством костей мамонта и соответствующими памятниками средней поры верхнего палеолита (СВП) Восточной Европы культурно-генетических связей нет.

Достаточно ясно, что в мустьерскую эпоху использование крупных костей для так называемого «домостроительства» не было обусловлено только нехваткой крупных камней. Широкое использование крупных костей мамонта представляло собой своего рода культурный выбор, возможно, отчасти обусловленный спецификой природных условий региона. В любом случае, в РВП этот культурный выбор перестал действовать. Между конструкциями из крупных костей мамонта мустьерской эпохи и жилищами средней поры верхнего палеолита в центре Русской равнины возникает своего рода «культурный hiatus», продолжавшийся не менее 15–20 тыс. лет.

Вместе с тем, едва ли можно сомневаться в том, что, вне зависимости от объема исполь-

зования крупных костей этого зверя, мамонт играл очень важную роль в идеологии как ашело-мустьерского населения Европы, так и людей периода РВП.

3.4. Днепро-Донская историко-культурная область: археологические особенности, пространственные и временные границы

3.4.1. Общие характеристики

На смену РВП приходит новый период — средняя пора верхнего палеолита (СВП). В различных районах Евразии этот рубеж опять-таки имеет разные хронологические границы: от 28 до 22–20 тыс. л. н. Культурная вариативность СВП также весьма высока, хотя и уступает вариативности РВП. Достаточно сказать, что индустрии СВП основаны уже исключительно на пластинчатой технике скولا. Это касается даже индустрий с развитой техникой тонкого бифаса (солотвейская культура).

На территории Восточной Европы археологические культуры СВП достаточно отчетливо группируются в три историко-культурные области (далее — ИКО) — Южную, Юго-Западную и Центральную (Днепро-Донскую)¹. Каждая из этих областей характеризуется: а) наличием в списках фауны какого-то одного, абсолютно преобладающего вида (северный олень, бизон, мамонт), что само по себе, видимо, определяло различия в моделях поведения; б) своеобразными чертами в организации поселений и жилых объектов; в) специфическими особенностями инвентаря; г) особенностями культурно-исторического развития.

В данном случае нас интересует исключительно Днепро-Донская ИКО. Ее общие характеристики выглядят следующим образом:

а) На стоянках данной ИКО мамонт занимает первое место в списках фауны: по меньшей мере, от 65 до 90%. Хотя данные эти по разным причинам не полны и не точны, однако бесспорно: даже минимально определенное число особей мамонта на памятниках составляет тут многие десятки и даже сотни животных (Соффер 1993. Рис. 1).

б) В рассматриваемой ИКО мамонт обеспечивал все основные стороны жизнедеятельности местного населения: пищу, сырьё, строительный материал, топливо. Особенно показательны долговременные, сложно организованные поселения с различными типами жилых и хозяйственных конструкций; при их строительстве активно использовались крупные кости этого животного.

в) Инвентарь памятников, входящих в данную ИКО (в особенности костяные и бивневые орудия, украшения, произведения искусства), отличается особым богатством и разнообразием, по сравнению с двумя соседними ИКО. Подавляющее большинство индустрий (хотя не все) относятся к граветтоидному технокомплексу. По специфическим технико-типологическим характеристикам достаточно отчетливо выделяются разные культурные традиции (разные АК). Однако на втором этапе эти характеристики заметно упрощаются, нивелируются.

г) История формирования и существования Днепро-Донской ИКО весьма специфична и характеризуется, с одной стороны, коренными изменениями всего жизненного уклада «аборигенов», а с другой — активным участием пришлого населения. По-видимому, имели место, как минимум, две крупных волны миграции; во всяком случае, здесь отчетливо выделяются два основных этапа: первый — 24–21 тыс. л. н. и второй — 20–14 тыс. л. н.

г) История формирования и существования Днепро-Донской ИКО весьма специфична и характеризуется, с одной стороны, коренными изменениями всего жизненного уклада «аборигенов», а с другой — активным участием пришлого населения. По-видимому, имели место, как минимум, две крупных волны миграции; во всяком случае, здесь отчетливо выделяются два основных этапа: первый — 24–21 тыс. л. н. и второй — 20–14 тыс. л. н.

3.4.2. Пространственные границы

Западная граница Днепро-Донской ИКО проходит по водоразделу нижнего Днестра и Днепра. Памятники СВП, расположенные на Вольно-Подольской возвышенности (Молодово 5, Рашков, Косоуцы и др.), относятся к Юго-Западной ИКО охотников на северных оленей, тогда как стоянки Радомышль и Жорнов по основным показателям уже входят в Днепро-Донскую ИКО.

Южная граница проходит по Южному Бугу — порожистой части Днепра. Расположенные там памятники — Анетовская группа, Осокоровка, Дубовая Балка, Кайстровая Балка и пр. — по всем своим характеристикам входят в Южную ИКО охотников на бизонов.

Восточная граница проходит по Среднему Дону (Костенковско-Борщевский район).

¹ На протяжении последних десятилетий М. В. Аникович определял эту область как «ИКО охотников на мамонтов», да и сейчас по-прежнему решительно отрицает ведущую роль собирательства в сложении ее специфических особенностей. Однако, как будет показано ниже, концепция активной охоты на мамонтов в центре Русской равнины также требует серьезных корректив. Поэтому впредь будет использоваться термин «Днепро-Донская ИКО».

К востоку от него, в бассейне Волги, не обнаружено ни одного памятника с характеристиками Днепро-Донской ИКО.

Северная граница проходит по бассейну Оки. На это указывает расположенная там Зарайская стоянка, бесспорно, входящая в данную ИКО. Судя по наличию мегафауны (мамонт, носорог), а отчасти и по типологическому облику инвентаря, к той же ИКО относятся и Карачаровская стоянка.

Памятники, расположенные севернее (северо-восток Русской равнины — Урал), либо относятся к предшествующему периоду РВП (Сунгирь, Русаниха, Бызовая стоянка, грот Близначева, Гарчи 1), либо обнаруживают тесную связь с культурами указанного периода по своим технико-типологическим характеристикам (стоянка Талицкого, Медвежья пещера). Все названные стоянки (как и другие, хуже изученные местонахождения данного региона), не обнаруживают признаков, присущих культурам Днепро-Донской ИКО.

3.4.3. Природные предпосылки возникновения Днепро-Донской ИКО

Роль природной среды в формировании интересующей нас Днепро-Донской ИКО была весьма значительной. В КИС 2 «в экстремальных условиях в пределах Восточно-Европейской равнины на месте современных зон тундр, бореальных лесов и степей возникла обширная гиперзона (криогиперзона) перигляциальных, преимущественно открытых ландшафтов, внутри которой проявлялась ослабленная широтная дифференциация...» (Величко, Зеликсон 2006: 12). В соответствии с последней, данная гиперзона подразделяется на 3 полосы. Из них нас в данный момент интересует средняя, включающая «бассейны Припяти, Среднего Днестра и Десны, Оки, Верхней и правобережья Средней Волги, Вятки...» (Там же: 13). Нетрудно заметить, что, за исключением бассейна Волги и Вятки, эта выделяемая А. А. Величко средняя полоса гиперзоны соответствует определенным выше пространственным границам Днепро-Донской ИКО.

Это неудивительно. Те же авторы указывают, что природные условия, сложившиеся в средней полосе гиперзоны, при всей их внешней суровости, были чрезвычайно благоприятны для мамонтовых популяций. Они обеспечивали достаточные водные ресурсы (особенно в южном поясе криолитозоны), но, главное, «на этих же широтах распростра-

лась наиболее богатая кормовой массой перигляциальная растительность, где наряду со степными сообществами сохранялись участки, преимущественно по долинам и балкам, древесно-кустарниковой растительности...» (Там же: 20). Таким образом, казалось бы, ухудшившиеся природные условия (резкое сокращение осадков, резкое снижение температуры, в особенности зимней), не только не препятствовали, но, напротив, стимулировали распространение на данной территории мамонтовых стад. В течение столетий или даже первых тысячелетий КИС 2 мамонты постепенно перемещались из Центральной Европы на северо-восток, в центр Русской равнины. Вместе с ними перемещались и люди, уже 28–26 тыс. л. н. жившие на Среднем Дунае и в Моравии в тесном симбиозе с мамонтами. Это были носители виллендорфских и павловских культурных традиций. Примерно 24–23 тыс. л. н. они появились в центре Восточной Европы, сформировав здесь две родственные АК: виллендорфско-костенковскую и павловско-хотылевскую¹.

3.4.4. Культурно-исторические предпосылки возникновения Днепро-Донской ИКО

Жители Центральной Европы («виллендорфцы» и «павловцы») пришли и обосновались в центре Русской равнины, который был хорошо обжит еще в РВП. Как уже было показано выше, суровые климатические условия позднеледниковья (КИС 2) отнюдь не привели к сокращению потенциальной охотничьей добычи. Скорее наоборот — они способствовали ее расширению за счет увеличения популяции мамонтов. Видимо, в сложившейся ситуации местное население отнюдь не стремилось откочевывать в теплые края. При наличии богатой добычи открытые ландшафты и холодные малоснежные зимы не представлялись людям чрезмерно суровыми. Но, чтобы выжить в этих условиях, было необходимо создать соответствующую культурную базу, отличную от той, которую имели охотники на диких лошадях, ранее обитавшие в этом регионе. Этого удалось достичь, хотя и не сразу.

«Промежуточным пластом» между культурами РВП и действительно глобальными культурными изменениями, связанными с пе-

¹ Во избежание недоразумений отметим, что чисто восточноевропейские наименования первой АК — «костенковско-авдеевская», второй — «хотылевско-гагаринская». Терминологические различия не меняют сути дела.

реходом к СВП, явился так называемый «ориньякский эпизод», датируемый 26–23 тыс. л. н. (Аникович и др. 2008: 143–173). Жилые сооружения и, вероятно, планировка поселка, становятся более сложными по сравнению с предшествующим периодом. На Костенках 4/1 и 8/1 были раскопаны остатки настоящих полуземлянок с большим очагом в центре, наличием большого количества пекарных ямок и ямок-хранилищ. Эти жилища были выделены в особый александровско-тельманский тип (Рогачёв, Аникович 1984: 189), знаменовавший собой начало сложной строительной деятельности, которую вели обитатели Днепродонской ИКО охотников на мамонтов.

Второй тип достаточно сложных жилых конструкций представляют собой так называемые «длинные дома», открытые в Костенках 4/II. Они многократно описаны в литературе.¹ Здесь мы обратим внимание лишь на одно обстоятельство: культурные изменения, происходившие в центре Восточной Европы в период 26–23 тыс. л. н. отчасти *предшествовали* глобальным природным изменениям позднеледникового.

3.4.5. Два этапа истории Днепродонской ИКО

Наиболее сложные жилые конструкции и структурно организованные поселения возникают в центре Русской равнины с появлением здесь пришельцев из Центральной Европы. Самые выразительные материалы по виллендорфско-костёнковской АК на Русской равнине даёт стоянка Костёнки 1/1. Здесь открыты жилые комплексы, представляющие собой овальные в плане скопления культурных остатков площадью свыше 500 кв. м каждый. Вдоль овала располагаются восьмёркообразные полуземлянки, для перекрытия которых использовались крупные кости мамонта, а также ямы-кладовые, заполненные такими костями. Их глубина ~1 м. По центральной линии овала располагался ряд крупных очагов до 1 м в диаметре. Очаги заполнены только костным углём. В полуземлянках нет следов очагов, однако на полу всегда фиксируется россыпь костного угля.

Костёнковские полуземлянки отнюдь не являлись темными спальными камерами. В них велась активная трудовая деятельность, о чём свидетельствуют находки, сделанные на полу этих землянок: орудия труда, фраг-

менты обрабатываемой кости и бивня и т. п. Помещения освещались жировыми лампами, изготовленными из головок бедренных костей мамонта. Центральная часть жилых комплексов была изрыта многочисленными ямками-хранилищами различной величины, глубины и конфигурации.

Приблизительно с начала валдайского климатического минимума (~20 тыс. л. н.) в центре Русской равнины (Среднее — Верхнее Поднепровье, бассейн Десны, Средний Дон) широко распространяются новые культурные традиции. Их носители использовали крупные кости мамонта для сооружения иных конструкций — округлых наземных жилищ. Развалины таких жилищ зафиксированы на ряде восточноевропейских стоянок: Мезин, Межиричи, Добраничевка, Юдиново, Гонцы и Костенки 11/1а, Костенки 2 и др. По совокупности радиоуглеродных дат эти памятники датируются в пределах 20–14 тыс. л. н. Отдельные, более древние и более молодые, датировки могут быть оспорены.

Указанные памятники не обнаруживают прямых связей ни с виллендорфско-костёнковской, ни с другими, более ранними, индустриями ориньякоидного и граветтоидного облика на территории Восточной Европы. Культуры с округлыми костно-земляными жилищами возникают внезапно, как бы из ничего. Характерно, что появление новых культурных традиций не означало исчезновения виллендорфско-костёнковской культуры на Русской равнине. Существование памятников этой культуры в бассейне Оки в период 20–16 тыс. л. н. (Зарайская стоянка) можно считать твёрдо установленным фактом. Правда, стоянок с жилищами аносовско-мезинского типа в Поочье не обнаружено, поэтому здесь пока нельзя говорить о *сосуществовании* различных культурных традиций на одной территории. Однако в бассейне Среднего Дона виллендорфско-костёнковские и аносовско-мезинские традиции, по-видимому, именно *сосуществовали* в течение нескольких тысячелетий.

Большинство археологов попросту игнорируют так называемые «молодые» радиоуглеродные даты (~20–16 тыс. л. н.), полученные для восточно-европейских памятников виллендорфско-костёнковской АК (Костенки 1/1, Костенки 14/1, Костенки 18, Авдеево, Бердыж, Гагарино). До недавнего времени так поступал и один из авторов настоящей работы (Аникович 1998). Однако результаты исследования Зарайской стоянки, а также проведенный нами анализ весьма представительной совокупности дат, полученных для Костенок 1/1, второй жилой комплекс (Аникович и др. 2008:

¹ Последнее описание см.: (Аникович и др. 2008: 128–132), там же соответствующая библиография.

193–199), заставили отказаться от такого подхода и *признать все даты в пределах указанной выше совокупности объективно отражающими время существования данных памятников*. Таким образом, в Костенках в течение нескольких тысячелетий сосуществовало разнокультурное население: в Покровском логу — носители костенковско-виллендорфских культурных традиций, а в соседнем Аносовом логу — строители округлых костно-земляных жилищ из крупных костей мамонта.

На территории Восточной Европы культу-

ры Днепро-Донской ИКО с их высокоразвитым домостроительством, совершенной техникой обработки кости, рога, бивня и кремня, с исключительными по разнообразию и своеобразию произведениями мобильного искусства, бесспорно, представляли собой одну из вершин развития палеолитической культуры как таковой. Встает естественный вопрос: *за счет чего, на основе какого рода деятельности возникли и развивались эти культуры, существовавшие в центре Русской равнины, по крайней мере, в течение 10 тысяч лет?*

4. Концепция собирательства

4.1. Общие замечания

Мы начнем анализ именно с этой, возрождаемой ныне концепции, которая еще недавно, в 1950–1970-х гг., казалась окончательно сданной в архив. Посмотрим, какими доказательствами располагают ее нынешние приверженцы? Правда, современные сторонники собирательства (за редким исключением) уже не столь безоговорочно основывают эту концепцию на общих представлениях о «примитивности» палеолитического человека, а стремятся к более серьезной аргументации.

Так, например, О. Соффер явно понимает слабые места концепции тотального собирательства мамонтовых костей, по крайней мере, применительно к верхнепалеолитическим стоянкам с большим количеством костей мамонта. Явно склоняясь к этой точке зрения, она предпочитает все же избегать безапелляционных высказываний. Так, по ее мнению, имеющиеся данные «...не позволяют решить вопрос о том,

отражают ли Спадзиста и Межиричи охоту людей на стада или на отдельные особи, а также определить, какую роль играла естественная гибель...» (Соффер 1993: 106).

Но есть и непримиримые сторонники «собирательства». Наиболее ярким их представителем выступает А. А. Чубур. В данном вопросе он не допускает никаких оговорок. Он готов утверждать, что «мамонтовое собирательство» (выражаясь без обиняков — трупоедство) являлось фундаментальной основой развития культур, распространившихся в центре Русской равнины в среднюю пору верхнего палеолита. Предположение о существовании здесь массовой (загонной) охоты на мамонтов он отвергает решительно и бесповоротно (не отрицая, в принципе, что верхнепалеолитический человек, живший в центре Русской равнины, мог, при удаче, забить одиночного зверя). Каковы же его аргументы?

4.2. Попытка экологического обоснования

А. А. Чубуру представляется, что его взгляды согласуются с концепцией московского геолога А. Л. Чепальги, привлекающей в последнее время все большее внимание научного сообщества. Согласно этой концепции, «в позднем плейстоцене в связи с деградацией и таянием последнего (валдайского) оледенения наступила Эпоха Экстремальных Затоплений. Значительные обводнения склонов, междуречий и речных долин привели к сверхполоводьям в руслах рек и морским трансгрессиям в приморской зоне бассейнов Понто-Каспия...» (Чепальга и др. 2006: 340; см. также: Чепальга, Пирогов 2005).

Кратко охарактеризовав эту концепцию, в соответствии с которой пик половодий падает на период 16–15 тыс. л. н., А. А. Чубур всеми силами старается доказать, что период функ-

ционирования стоянок с большим количеством костей мамонта фактически совпадает с указанным отрезком времени. Он утверждает, что «...именно на этот период в центре Русской Равнины приходится расцвет костно-земляной архитектуры...» (Чубур 2006: 350). С датировками памятников с жилищами аносовско-мезинского типа А. А. Чубур обращается весьма вольно. Утверждая, что расцвет домостроительства с использованием костей мамонта связан именно с периодом сверхполоводий, он согласен считать единственным исключением две стоянки Костёнковско-Борщёвского района: Костенки 2 и Костенки 11/1а. По его мнению, именно отсюда традиции строительства округлых наземных жилищ распространились в другие регионы (Чубур 2006: 350).

Мы, со своей стороны, вполне разделяем концепцию А. Л. Чепалыги. Однако в том, что касается памятников центра Восточной Европы с большим количеством костей мамонта, наши выводы из этих материалов будут прямо противоположными. Сверхполоводья, действительно возникшие в результате таяния последнего ледника, *не стимулировали, а разрушили культуру, основанную на симбиозе с мамонтом, подорвали саму ее основу*. В частности, исчезновение населения из бассейна Среднего Дона на рубеже 15 тыс. л. н. объясняется именно тем, что упомянутые сверхполоводья сделали непригодными для обитания защищенные крутыми склонами балочные мысы, столь привлекательные для людей в предшествующие периоды. Да и мегафауна частично погибла во время половодий (яркий пример этого процесса — Севское местонахождение), частично покинула районы широких разливов тающих ледников. Это подтверждается радиоуглеродными датами —

если, конечно, не подходить к ним предвзято, отбирая «правильные» и отбрасывая неудобные (Аникович и др. 2008: 39–67, 260–276).

Таким образом, аргументация А. А. Чубура, в сущности, строится на двух посылах:

1) Прекрасно понимая, что памятники виллендорфско-костенковской и павловско-хотылевской АК значительно древнее времени таяния последнего ледника, он пытается «лишить их статуса» стоянок с большим количеством костей мамонта, фактически ограничивая эту группу памятников стоянками с жилищами аносовско-мезинского типа.

2) Хронология указанной группы строится так, чтобы она казалась совпадающей с тем же периодом половодий. Радиоуглеродные даты отбираются по известному принципу: «правильные» (т. е. подтверждающие точку зрения автора) и «неправильные» (противоречащие ей).

Рассмотрим теперь, насколько подтверждаются материалом обе ключевые посылки.

4.3. О количестве костей мамонта на стоянках Днепро-Донской ИКО

Итак, по А. А. Чубуру, говорить о настоящем развитии костно-земляной архитектуры можно только применительно к стоянкам с жилищами аносовско-мезинского типа. В более ранний период крупные кости мамонта использовались спорадически, лишь «как элемент, а не основа архитектурной конструкции» (Чубур 2006: 350). Очевидно, и в количественном отношении их должно быть значительно меньше.

Здесь налицо явное недоразумение, происходящее, возможно, от слабого знания материала, и безусловно — от методических пробелов раскопок прежних лет, когда даже для таких важнейших памятников, как Костенки 1/1 и Авдеево, точное число особей мамонта в жилых комплексах не было установлено. В этом плане раскопки 1930–1980-х гг., пожалуй, уступают даже рекогносцировочным исследованиям И. С. Полякова. Тот еще в поле подсчитал минимальное количество особей мамонта в своем небольшом раскопе 1879 г. (не менее 10 экз.) (Поляков 2008: 253).

И. С. Поляков совмещал в одном лице археолога и профессионального зоолога. В XX в. в этом плане больше «повезло» украинским стоянкам с жилищами аносовско-мезинского типа, ибо их раскапывали профессиональные палеозоологи И. Г. Пидопличко и Н. Л. Корниец. Там, по меньшей мере, весь остеологический материал оказался профессионально обработан.

Впрочем, даже имеющиеся на сегодняшний день данные красноречиво свидетельствуют, что количество костей мамонта на памятниках виллендорфско-костенковской культуры вполне сопоставимо с цифрами, приводимыми для более поздних памятников с жилищами аносовско-мезинского типа. Только по материалам раскопок 1970-х гг., когда было вскрыто *не более трети* общей площади второго жилого комплекса Костенок 1/1, В.Е. Гарутт и Е.В. Урбанас насчитали в нем не менее 55 особей мамонта (Гарутт, Урбанас 1979: 19). Для сравнения, на тот момент исследований во всех межиречских жилищах было определено 110 особей мамонта (Пидопличко 1976: 41), в Мезине — 116 особей (Пидопличко 1969: 82), в Гонцах — 93 (Там же: 51), в Киево-Кирилловской стоянке — более 70 (Там же: 30–31), в Добраничевке — 28 (Там же: 67). Точные сведения о количестве особей и половозрастном составе мамонта из раскопок конца 1970-нач. 1990-х гг. в Костенках никогда и никем не были учтены.

Между тем, возникновение и развитие той же виллендорфско-костенковской АК приходится отнюдь не на период Экстремальных Затоплений, хотя, как показали новейшие исследования, памятники этой культуры какое-то время продолжали существовать и тогда, доживая, по крайней мере, до 16 тыс. л. н. (Амирханов 2000: 49–53; 2005; Аникович и др. 2008: 193–196).

4.4. Еще раз о радиоуглеродных датах

А. А. Чубур относит к периоду, предшествующему Эпохе Экстремальных Затоплений, только две стоянки Костёнковско-Борщёвского района с костно-земляными жилищами — Костенки 2 и Костенки 11/а. Так ли это? Невозможно согласиться с тем, что даты, полученные для указанных памятников, представляют собой некое исключение из правила.

Как же быть в таком случае с наиболее ранними датами, полученными для многих других стоянок (см.: Синицын и др. 1997: 54–56). Для Межиричей и Елисеевичей I они составляют ~20–17 тыс. л. н. Для Киево-Кирилловской, Новгород-Северской и Радомышля — ~19–20 тыс. л. н. Можно ли игнорировать такие памятники, как Пушкари 1 (~21–16 тыс. л. н.) и Погон (~18 тыс. л. н.)? Можно ли просто замалчивать еще более древние даты, полученные для Мезинской стоянки (29–21 тыс. л. н.), игнорируя при этом как дату киевской лаборатории, так и результат, полученный в ГИН (21.600 ± 2.200)?

Да, практически во всех этих сериях присутствуют и более молодые даты, но, как опять-таки показали новейшие исследования, это указывает лишь на продолжительность существования стоянок. Еще совсем недавно функционирование верхнепалеолитического памятника на протяжении нескольких тысяч лет (пусть даже с перерывами) казалось исследователям невероятным. Однако после всесторонне аргументированных результатов исследований Зарайской стоянки с этим приходится считаться как с установленным фактом или, во всяком случае, как с наиболее верифицированной гипотезой.

Таким образом, имеющиеся на данный момент радиометрические даты указывают на *неразрывную хронологическую связь* стоянок с костно-земляными жилищами аносовско-мезинского типа и появившимися на Русской равнине в более раннее время памятниками с большим количеством костей мамонта. Наиболее яркими представителями последних выступают памятники виллендорфско-костенковской и павловско-хотылевской АК.

4.5. Сохранность мамонтовых костей на стоянках Днепро-Донской ИКО

Выше мы писали о мустьерских стоянках Днестровско-Прутского региона с большим количеством костей мамонта, где собирательство как основной их источник не вызывает никаких сомнений. В этой связи обратим внимание на то, что характеристики самих мамонтовых костей Днепро-Донской ИКО по всем параметрам резко отличны от соответствующих характеристик мустьерских стоянок Днестровско-Прутского региона.

Уже упоминалось, что на мустьерских стоянках указанного региона наблюдается *разная степень сохранности* костей мамонта, отличная от сохранности костей иных видов животных. В своих работах О. Соффер неоднократно отмечает разную степень выветрелости мамонтовых костей и на виллендорфско-павловских памятниках Центральной Европы, и на посе-

лениях Днепро-Донской ИКО. Однако наши наблюдения, сделанные за годы раскопок второго жилого комплекса Костенок 1/а, показывают, что основную роль играли здесь условия погребения костей после того, как стоянка была покинута людьми.

Те кости, что оказались в ямах, сохранились значительно лучше тех, что оставались на поверхности. По нашим наблюдениям, здесь нет того заметного контраста между степенью сохранности костей мамонта и иных видов, который отмечался для мустьерских стоянок. Конечно, наблюдения такого рода следует проводить более систематично. Необходима более серьезная аргументация, нежели личные впечатления. Определение содержания коллагена здесь бы очень помогло, но пока дело ограничивается ссылками на устные сообщения (Соффер 1993: 106).

4.6. Естественные кладбища мамонтов и человеческая деятельность

Чтобы приготовить рагу из зайца, нужно иметь, как минимум, кошку.

Народная мудрость

А был ли мальчик-то?.. Может, мальчика-то и не было?..

А. М. Горький

Концепция мамонтового собирательства не как спорадического занятия, а как *основы культуры* закономерно требует наличия *постоянных* источников такого собирательства. Ведь жизнь человеческих сообществ не может в течение многих тысячелетий основываться на чисто случайном факторе, каковым является гибель одного или нескольких животных вблизи стойбища. Необходим стабильный источник разработки туш и скелетов — естественное кладбище мамонтов. Местонахождения такого рода в Евразии, действительно, известны. Это Волчья Грива, Новый Тартас, Гари и Шестаково в Западной Сибири; Берелех — в Восточной Сибири (басс. р. Индигирки), Севское и Каменское местонахождения на Русской равнине и др.

В целом, памятники такого рода (по крайней мере, достоверно зафиксированные) весьма малочисленны. Но важнее другое: связанные с ними бесспорные следы человеческой деятельности разительным образом отличаются от того, что мы наблюдаем на стоянках Днепро-Донской ИКО (Верещагин 1977: 40–41; Лавров 1992: 66; Maschenko et al. 2006: 161–163). В этом плане особенно показательна западносибирская многослойная стоянка Шестаково, тесно связанная с естественным кладбищем мамонтов, образовавшимся, по мнению исследователей, в результате регулярного посещения этими животными выходов минеральных солонцов (Деревянко и др. 2000). На данном местонахождении зафиксированы:

1) остатки скопления костей мамонтов («кладбища»), образовавшегося в результате естественных процессов; налицо утилизация этого скопления древними людьми;

2) остатки целого ряда стоянок (8 культурных слоев), оставленных этими людьми в период от верхнего плейстоцена до голоцена.

Анализ показывает, что «наибольшая активность в освоении территории приходится на финал каргинского и начальный этап сартанского времени» (Там же: 50). В общем и целом, этот возраст соотносится с первым этапом существования стоянок Днепро-Донской ИКО. Но, в отличие от последних, шестаковские стоянки — это типичные кратковременные стойбища, не имеющие ничего общего с долговременными, сложными по структуре поселениями Русской равнины. Кости мамон-

та в культурных слоях Шестаково абсолютно преобладают, но и по отбору, и по положению в культурном слое мамонтовая кость использовалась здесь исключительно в качестве поделочного сырья и топлива. Конструкции из крупных костей отсутствуют. Ситуация вполне ясна: на протяжении тысячелетий здесь регулярно гибли мамонты, и их естественное кладбище столь же регулярно использовалось специально приходившими сюда людьми.

Относительно других местонахождений подобного рода, включая знаменитый Берелех, напомним, что их радиоуглеродный возраст значительно моложе — ~13–10 тыс. л. н. (Верещагин 1977: 17–18; Лавров 1992: 65). Возможно, люди усилили внимание к подобным местам именно тогда, когда стада живых зверей стали заметно сокращаться. Волчья Грива, Новый Тартас и Гари представляют собой естественные кладбища мамонтов с незначительными следами освоения их древними людьми (Абрамова 1989: 170–174). Попытка А. П. Окладникова и его коллег представить Волчью Гриву полноценным памятником с остатками жилых конструкций восточно-европейского типа (Окладников и др. 1971: 110–114) не выдерживает критики, в силу: а) характера и условий залегания костей мамонта; б) крайней бедности сопутствующего материала (всего несколько пластинок и отщепов из желтой яшмы).

Что же касается единичных находок скоплений мамонтовой фауны на Русской равнине, то можно констатировать, что и Каменское, и Севское местонахождения представляют собой «кладбища» мамонтов без культурных остатков (Байгушева 1980; Мащенко 2009: 407). При этом Севское местонахождение, открытое в конце 1980-х гг. и очень тщательно исследованное, заметно отличается от большинства ранее известных естественных захоронений мамонтовой фауны. Автор открытия прямо говорит о его уникальности (Maschenko et al. 2006: 164). Здесь мы имеем не «кладбище» длительного накопления, связанное с выходом солонцов или естественной «ловушкой», где периодически погибали животные, а место единовременной гибели одной семейной группы мамонтов от природного катаклизма.

Как можно предположить, водный поток, связанный с сильнейшим наводнением, преградил мамонтам выход из речной доли-

ны. Это яркий пример того, что происходило на Русской равнине в период экстремальных затоплений (радиоуглеродная датировка Севска — ~14 тыс. л. н.), но никакого отношения к проблеме восточноевропейских стоянок с большим количеством костей мамонта этот пример не имеет. Хронологически он относится к периоду, когда указанные стоянки, по большей части, уже прекратили свое существование.

Впрочем, нечто похожее на естественные скопления костей мамонтов наблюдается, в ряде случаев, в Центральной Европе, причем как раз в памятниках виллендорфско-павловского культурного единства, сыгравшего важнейшую роль в формировании Днепро-Донской ИКО. Геоморфологически эти памятники располагались на значительной высоте от уреза рек (~200–250 м), на склонах холмов с выходами известняка (Соффер 1993: 108). Все они отличались специфической особенностью: места обитания (т. е. собственно стоянки) оказывались пространственно связаны с находящимися в 30–100 м от них завалами костей мамонта (Дольни Вестоницы 1 и 2; Миловицы). Характерно, что, в отличие от фаунистических остатков, собранных на самих местах обитания, кости из завалов принадлежат почти исключительно мамонту. Их связь с оглееными отложениями показывает, что кости завалов какое-то время находились в мелкой воде (Соффер 1993: 108).

Разумеется, если бы речь шла исключительно о результатах старых раскопок XIX — начала XX вв., «завалы» было бы легко списать на несовершенство методик и непонятые исследователями конструкции. Ведь даже в конце 1930-х гг., уже после раскопок первого жилого комплекса Костенок 1/Л,

П. П. Ефименко еще отмечал: «...в лессовых стоянках... скопления костей мамонта в виде огромных куч... составляют вполне обычное явление» (Ефименко 1938: 379). В пример же приводились те же Костенки 1 и Борщцево, Кирилловская стоянка и т. д. — все по результатам раскопок, производившихся до открытия жилых структур на памятниках этого типа. Однако в ряде случаев «завалы костей» зафиксированы вполне достоверно.

Судя по опубликованным чертежам раскопок Дольних Вестониц 1940–1950-х гг., указанное костеище весьма мало напоминает мамонтовое кладбище. Здесь присутствует, действительно, гигантское скопление сильно перемешанных, переломанных костей мамонта от самых разных частей скелета. Никаких анатомических связей не наблюдается (Klíma 1963: 89–104, обр. 33–35). Скопление вытянуто широкой полосой вдоль поселения, на некотором расстоянии от жилищ. Судя по приведенной реконструкции, оно находилось в низине (Op. cit.: 207, обр. 69). В археологической литературе подобные находки, как правило, интерпретируются как «кухонные отбросы». Не случайно даже приверженцы идеи собирательства относятся к интерпретации костеищ такого рода весьма осторожно.

Но предположим на миг, что костеища на центрально-европейских памятниках действительно представляют собой естественные образования, из которых население Дольних Вестониц, Миловиц и т. д. по мере необходимости черпало материалы для строительства, поделок и топлива. Что же в таком случае заставило его бросить далеко не исчерпанные сокровища, щедро оставленные природой, и двинуться неведь куда, на северо-восток — за стадами живых мамонтов?

4.7. Днепро-Донская ИКО: куда же исчезли кладбища мамонтов?

В конце концов, для нас важно не то, представляли ли описанные выше завалы костей места естественной гибели мамонтов или они имеют какое-то иное объяснение. Важнее другое: *почему на территории Днепро-Донской ИКО ни с чем подобным археологи до сих пор не сталкивались?*

Исследователь Севска Е. Н. Мащенко в одной из своих последних работ пишет: «Представленные... данные об особенностях биологии мамонта свидетельствуют о потенциальной возможности формирования больших естественных скоплений костей этих млекопитающих в непосредственной близости от стоянок верхнего палеолита» (Мащенко

2009: 422). Но вот беда! «Потенциальная возможность» была, а самих естественных скоплений в районе памятников Днепро-Донской ИКО — не зафиксировано.

Здесь нет хоть сколько-нибудь убедительных следов «мамонтовых кладбищ» типа Берелеха и Шестаково. Завалов костей, представленных в ряде однокультурных памятников Центральной Европы, — и тех нет. В Костенковско-Борщевском районе на многослойных стоянках Костенки 1 и 11 верхние культурные слои — это типичные долговременные поселения со сложными конструкциями из костей мамонтов. Но каких бы то ни было следов естественно образовавшегося

№1. 2010

костеносного горизонта не зафиксировано ни на них, ни вблизи их. Нет подобных следов и в нижележащих слоях, где находки мамонтовых костей вообще редки. Ситуация, как видим, разительно отличается от тех случаев, когда стоянки древнего человека достоверно связываются с «кладбищами мамонтов» (Шестаково).

Это обстоятельство — зияющая «прореха» в концепции тотального собирательства мамонтовой кости — по крайней мере, применительно к Днепро-Донской ИКО. Странники указанной концепции это осознают и пытаются, так или иначе, объяснить сложившуюся ситуацию. Однако все объяснения представляются малоубедительными. О. Соффер связывает отсутствие на Русской равнине «мамонтовых кладбищ» с отсутствием вечной мерзлоты. «В то время как вечная мерзлота Северо-Восточной Сибири сохранила такие скопления мамонтов до наших дней, на Русской равнине... не найдено других кладбищ мамонтов. Их отсутствие вполне закономерно, так как в конце плейстоцена исчезла вечная мерзлота, способствовавшая их сохранению...» (Соффер 1993: 107).

Странное объяснение! Во-первых, сибирские «кладбища мамонтов» отнюдь не ограничиваются Берелехом. Уже упомянутые выше местонахождения Западной Сибири (Волчья Грива, Гари, Шестаково, Новый Тартас) находятся значительно южнее зоны вечной мерзлоты. Во-вторых, если завалы мамонтовых костей, обнаруженные на стоянках Центральной Европы, действительно, образовались естественным путем, — то почему же отсутствие вечной мерзлоты не помешало их сохранению? В-третьих: если население Днепро-Донской ИКО, действительно, выбирало места для своих поселений исключительно вблизи «кладбищ мамонтов», то почему впоследствии такой природный фактор, как отсутствие вечной мерзлоты, действовал столь избирательно? На самих стоянках кости прекрасно сохранились. Почему же тогда полностью исчезли предполагаемые естественные скопления тех же костей, расположенные рядом? Ведь знаменитое Севское кладбище мамонтов, никогда не находившееся в зоне мерзлоты, тем не менее, дождалось своих исследователей.

А. А. Чубур поступает очень просто. Он «обнаруживает» следы мамонтовых кладбищ едва ли не на каждой из известных стоянок Днепро-Донского региона. Здесь мы не будем рассматривать каждое из подобных открытий; ограничимся несколькими примерами, связанными с Костенковско-Борщёвским районом.

А. А. Чубур картировал находки костей мамонта в долинах рек Русской равнины и высказал предположение, что концентрация их связана не с местами расширения долин (удобные и обширные пастбища), а, напротив, с их сужениями — там лучше «улавливались» трупы погибших животных и образовывались «кладбища» (Чубур 1997). Именно с этими местами он сопоставляет и большие группы палеолитических памятников. В. Я. Сергин, в целом вполне сочувственно оценивающий построения А. А. Чубура, в данном случае все-таки отмечает: «...карты, возможно, в силу принятых условных обозначений, не содержат четкого подкрепления приводимых суждений» (Сергин 2001: 346). С нашей точки зрения, это сказано даже слишком мягко. Достаточно посмотреть на карту-схему стоянок Костенковско-Борщёвского района (Аникович и др. 2008: 7, рис. 1), с точки зрения геоморфологии логов, чтобы убедиться в надуманности данной трактовки.

По мнению А. А. Чубура, образование «мамонтовых кладбищ» в этом регионе происходило следующим образом: «Река сильно меандрирует: налицо все признаки так называемого района концентрации. Особенно уловистыми для мамонтовых туш могли быть устья балок, куда во время половодий ветровым прибоем и турбулентными завихрениями течения могло заносить влекомых им мертвых мамонтов» (Чубур 1998: 321). Вначале эти туши скапливаются в Покровском логу, затем в Аносовке, затем в Борщёво. Где же конкретно образуются гипотетические «кладбища»? Невнятно сообщается о том, что «в районе Костенок имеется множество находок остатков мамонтов, напрямую не связанных с культурными слоями, в том числе костище, осмотренное еще С. Гmeliном» (Чубур 1998: 322).

М. В. Аниковичу, проработавшему в Костенках почти 40 лет, ничего не известно о «множестве находок» такого рода. Но вначале скажем несколько слов о костище, раскопанном в 1768 г. акад. С.-Г. Гmeliном. Раскоп был заложен им на первой надпойменной террасе Дона. По описанию, «...как скоро начали копать, то на песчаном берегу Дона немедленно оказались беспорядочно рассеянные слоновые кости. Зубы, челюсти, рёбра, лбы, стегна и берцы, неокаменелые, но в естественном своем состоянии, ... лежали на три локтя в глубину и около 40 сажен в длину. Кроме слоновых остатков, не мог я найти никаких костей от других животных, и... совсем невозможно... было собрать полный скелет...» (Гмелин 1771: 119–120).

Точное место раскопок С.-Г. Гмелина неизвестно, но предположительно его связывают с устьем Попова лога, где в 1879 г. И. С. Поляков зафиксировал, казалось бы, аналогичное по типу местонахождение (Поляков 1880: 20). А уже в XX в. там же были открыты верхнепалеолитические стоянки — Костенки 3 и 21. В связи с этим встает вопрос о соотношении описанных фаунистических остатков с местами обитания палеолитического человека. Сам автор склонялся к тому, что найденные им кости были принесены водой: «речные берега обыкновенно бывают местом погребения для слонов...» В описаниях указывается, что «помянутые кости лежат, покрыты песком, без примесей иной земли». (Гмелин 1771: 121–122).¹

Локализация костей, по-видимому, на периферии стоянки, где отсутствовал насыщенный культурный слой, в принципе, не противоречит трактовке их как остатков животных, вынесенных на берег рекой, тем более, что устье Попова лога действительно приурочено к очень крутому изгибу Дона. Настораживает лишь указание С.-Г. Гмелина на явный некомплект и совершенно разрозненный характер этих костей. Но, предположим, перед нами именно место выноса остатков мегафауны рекой. В какой период река их выносила?.. 20 тыс. л. н.? 15 тыс. л. н.? 10?.. В период жизни на стоянке или значительно позже, когда она уже была покинута? — Все это неизвестно — ни нам, ни нашему уважаемому оппоненту.

Пока же более или менее внятный ответ на вопрос: «где они, мамонтовые кладбища Костенковско-Борщевского района?!» — дается А. А. Чубуром только для Аносова лога. Там за остатки такого «кладбища» принимается так называемый «комплекс II» стоянки Костенки 2. Он представляет собой скопление костей мамонта (абсолютно преобладают ребра), залегающее в древней ложбинке. Его размеры: 14 м в длину, 1,5–1,7 м в ширину, мощность не более 0,20–0,25 м (Борисковский 1963: 64–65).

Исследователь Костенок 2 П. И. Борисковский считал несомненным, «что в углубление в древней поверхности суглинка кости были сложены или сброшены людьми... Скорее всего, в этом месте складывались или сваливались кости или части туш мамонтов,

а затем обитатели поселения брали отсюда кости и бивни мамонтов для сооружения жилища, для изготовления орудий и т. п.» (Борисковский 1963: 66). «К тому же результату, однако, — возражает А. А. Чубур, — привело бы и простое изъятие костей для строения из естественного скопления...» (Чубур 1998: 322). И В. Я. Сергин, к нашему удивлению, даже находит это возражение «резонным» (Сергин 2001: 346).

Что ж, при подобном подходе (особенно, учитывая размеры данного скопления!), открываются поистине безграничные возможности для выделения на Русской равнине «мамонтовых кладбищ». Остатками таковых можно объявлять даже самые незначительные скопления мамонтовых костей! А. А. Чубур именно так и поступает в отношении множества других памятников Днепро-Донской ИКО (Мезин, Межиричи, Юдиново, Пушкари, Тимоновка, Супонево, Елисеевичи и пр.).

Что же касается предлагаемого А. А. Чубуром механизма выноса целых туш мамонтов в глубину Покровского и Аносова логов, то нужно учитывать, что в Костенках в период существования памятников костенковско-авдеевского типа первая надпойменная терраса Дона уже формировалась и обживалась людьми (Костенки 21/III). Ко времени появления культурных слоев на Костенках 2 и 11/а она была уже достаточно хорошо сформированной и прочно обжитой: там локализовались стоянки Костенки 3, Костенки 19, Костенки 21/1-II. Что бы осталось от них, если вообразить бурные паводки, услужливо подносящие многочисленные трупы мамонтов прямо в район Костенок 1, Костенок 13, Костенок 11, расположенных на возвышенных мысах по берегам балок, в глубине?

И где следы всех этих страшных половодий? Судя по аллювиальным отложениям первой надпойменной террасы, Дон, конечно, бывал полноводнее современного, но отнюдь не в раннеосташковское время, а в предшествующий период (финал среднего валдая). В начале позднего валдая, не говоря уже о климатическом минимуме 20–18 тыс. л. н., уровень Дона, как и рек Центральной Европы, в долинах которых расположены стоянки виллендорфско-павловского типа, едва ли намного отличался от современного.

Тем не менее, легенды о существовании мамонтовых кладбищ вблизи соответствующих стоянок Русской равнины возникают снова и снова. В своем увлечении авторы подчас преподносят домыслы как вполне установленный факт. Так, с полной уверенностью рассуждают о «мамонтовых кладбищах» вблизи стоя-

¹ Теоретически, можно предположить, что С.-Г. Гмелин в своем раскопе попал на развалины жилищ из костей мамонта или на заполнения ям-хранилищ. Однако до сих пор на костенковских стоянках, приуроченных к первой надпойменной террасе, ничего подобного не встречалось.

нок В. Я. Сергин. По его мнению, концепция «преимущественного собирания костей мамонта на естественных местонахождениях... подкрепляется расположением поселений в районах вероятного образования мамонтовых «кладбищ» и возможным отождествлением с «кладбищами» пониженных участков с костями... расположенных на краю некоторых поселений... (курсив наш. — авт.)» (Сергин 2001: 350).

О том, что представляют собой эти «пониженные участки на краю поселений» уже говорилось выше, применительно к Дольним Вестоникам и Костенкам 2. Никаких других материалов для суждений о «естественных скоплениях» костей вблизи стоянок у нас попросту нет. Напомним, что ни Каменское, ни Севское местонахождения *никогда не разрабатывались и не утилизировались древним человеком* (Байгушева 1980: 77–79; Мащенко 2009: 407). Таким образом, один домысел попросту «подкрепляет» другой.

Пожалуй, самая оригинальная концепция взаимодействия человека и вымиравшего мамонта была предложена Н. А. Шило. По его мнению, «первобытный человек стал продвигаться с юга на север, т. е. к ареалу обитания мамонтовой фауны, вслед за вымиранием мамонтов, используя для этой цели его замороженные трупы. Человек как бы заполнял освобождающуюся, в силу изменения природных условий, нишу, ставшую экологически губительной для мамонтовой фауны и более благоприятной для человека» (Шило 2001: 313).

Вымирание мамонтовой фауны, по мнению автора, «растянулось почти на 30 тыс. лет» и было «сопряжено с потеплением и увлажнением климата в Северном полушарии. В течение этого времени в ареалах их расселения стал появляться человек и пользоваться «благами» природной катастрофы — замороженными трупами животных и охотой на ослабевших мамонтов» (Там же: 314). Примечательно, что «период наиболее интенсивной гибели мамонтов» определяется автором в рамках 45–25 тыс. л. н. (Там же). Непонятно, какие факты говорят в пользу такого предположения? Что касается археологических данных, то никаких свидетельств картины, рисуемой Н. А. Шило, в них нет. Да и вообще: изображаемые здесь трупоеды, двигавшиеся на север в поисках падали, кажутся сошедшими со страниц литературы сер. XIX в., когда ученые только начинали сбор информации о палеолитическом периоде истории.

Напротив, по археологическим данным можно считать установленным, что именно в

период 45–25 тыс. л. н. мамонты не интересовали палеолитического человека ни как охотничья добыча, ни как предмет собирательства продуктов питания. В качестве мясной пищи люди РВП предпочитали диких лошадей, бизонов, оленей, зайцев и т. п. Тесная зависимость человека от ресурсов мамонтовой фауны реально возникает в истории лишь однажды — причем на весьма ограниченном пространстве (центр Русской равнины) и в ограниченный период времени (24–14 тыс. л. н.). Значительная часть этого отрезка связана отнюдь не с «потеплением», а с климатическим минимумом, чрезвычайно благоприятным для мамонтовой популяции¹.

Нас не перестает удивлять то обстоятельство, что при полном отсутствии фактологических данных, идея о связи восточноевропейских стоянок с большим количеством костей мамонта с мифическими «естественными скоплениями» начинает восприниматься как почти непреложная истина. Даже такой серьезный исследователь, как Е. Н. Мащенко, прекрасно разбирающийся в проблеме мамонтовых кладбищ, тем не менее, считает возможным детально характеризовать условия формирования того, чего нет, а именно — естественных скоплений костей мамонтов вблизи стоянок Днепро-Донской ИКО.

«Экологическая привязанность мамонтов к речным долинам является одним из объяснений преимущественного нахождения именно здесь их остатков. — читаем мы в одной из последних его работ. — Массовые скопления костей мамонтов в речных долинах не всегда являются следствием катастроф, приводящих к гибели целых групп, или результатом сноса трупов отдельных мамонтов, погибающих в долинах рек, в старичные русла. Образования скоплений остатков мамонтов могут быть и результатом естественной смертности в местах, которые группы мамонтов регулярно посещали...» (Мащенко 2009: 416).

Характерно, что о «массовых скоплениях» мамонтовых остатков в речных долинах говорится тут как о вполне установленном факте — разумеется, со ссылкой на А. А. Чубура. Однако в отличие от последнего, автор не акцентирует внимания на периоде экстре-

¹ Самое удивительное, что Берелех, детально проанализированный крупнейшими специалистами в этой области и признанный ими местонахождением, где мамонтовые останки накапливались в течение сотен и тысяч лет, трактуется в статье Н. А. Шило как место, «где одновременно погибло, вероятно, не менее 10 тыс. особей» (Шило 2001: 314). Нет, новая интерпретация — это всегда интересно. Но ведь нужны доказательства!

мальных затоплений как объяснении тотального мамонтового собирательства. Ведь Е. Н. Мащенко детально проработал палеозоологические коллекции Зарайской стоянки. А материалы этого памятника напрямую противоречат концепции А. А. Чубура.

Во-первых, хронологически Зарайск никак невозможно «втиснуть» в рамки периода таяния последнего ледника. Значительная часть его функционирования достоверно приходится на климатический минимум 20–18 тыс. л. н., а отчасти и на более ранний период. Во-вторых, традиции костно-земляной архитектуры (жилые комплексы костенковского типа) фиксируются тут с самого начала жизни на памятнике (Амирханов 2009). И, наконец, речка Осетр, протекающая неподалеку от стоянки, уж никак не подходит на роль бурной стихии, регулярно губившей и «сплавлявшей» трупы мамонтов к самому поселению людей. Тем не менее... одним из важнейших результатов работы Е. Н. Мащенко с остеологическими коллекциями стала констатация факта: «Правильнее было бы отметить, что на Зарайской стоянке, кроме мамонта, вообще не представлено других млекопитающих (курсив наш. — авт.)» (Мащенко 2009: 403).

Таким образом, материалы Зарайска как нельзя лучше показывают: основные посы-

ки А. А. Чубура совершенно несостоятельны и являются результатом неправомерной «подгонки» фактов. Именно мамонт, задолго до начала бурных паводков, служил единственной основой жизнедеятельности зарайского населения. Но вот объяснять это охотой, с точки зрения Е. Н. Мащенко, тоже неправомерно (его аргументы будут детально рассмотрены ниже, в соответствующем разделе).

В итоге следует открытие, правда, носящее вполне умозрительный характер — вывод о наличии в районе Зарайской стоянки кладбища мамонтов длительного накопления: «В случае, если здесь имелся незамерзающий источник воды и в случае доступного для мамонтов участка с минеральными веществами, следует предполагать, что в районе Зарайской стоянки имелось естественное местонахождение костей мамонтов с относительно быстрыми условиями захоронения костного материала (трупов?)...» (Там же: 422).

Подводя итог всему сказанному, хочется опять вспомнить известную побасенку: трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. В самом деле: а был ли мальчик-то (то бишь, мамонтовые кладбища на стоянках или вблизи)? Может, мальчика-то и не было?

4.8. Общие выводы

Итак, даже в новейшей интерпретации мы не можем принять концепцию тотального мамонтового собирательства по следующим причинам:

1) Отсутствует фактологическая основа для этой концепции: естественные кладбища мамонтов, расположенные вблизи стоянок с большим количеством костей этих животных. Все, что написано до сих пор по этому поводу есть не более, чем результат умозрительных построений или откровенного фантазерства.

2) Отсутствует теоретическая основа построений такого рода. Никем не предложено концепции, обосновывающей массовую и регулярную гибель мамонтов на протяжении, минимум, 10 тысяч лет — при сохранении, тем не менее, их продуктивности и достаточно высокой численности на Русской равнине. Никем даже не поставлено вопроса: а каким образом эта массовая гибель животных могла

способствовать созданию и развитию наиболее высокоразвитых культур эпохи верхнего палеолита в Восточной Европе?

Имеющиеся на этот счет отдельные высказывания выглядят в теоретическом плане куда более беспомощными, чем построения В. В. Докучаева — А. И. Кельсиева 150-летней давности. Эти последние, по крайней мере, отталкивались от новейшей для своего времени философской и исторической базы — вульгарного материализма и его детища — однолинейного эволюционизма. Вдобавок, в их распоряжении не было и тысячной доли той информации, которая накоплена палеолитоведением в наши дни.

Все это заставляет нас самым решительным образом отбросить концепцию собирательства и трупожорства, признав ее абсолютно несостоятельной, как с позиций теории культуры, так и, в особенности — с фактологической точки зрения.

5. Концепция охоты

5.1. О чем свидетельствуют фаунистические материалы стоянок Днепро-Донской ИКО?

Прежде всего, они свидетельствуют о том, что вся жизнедеятельность населения, оставившего эти стоянки, основывалась на мамонте и только на мамонте. Ничем другим оно просто не могло прокормиться. На ряде памятников встречены немногочисленные кости лошадей, оленей, зайцев и т. п. — однако в ничтожном количестве. Довольно часто обнаруживаются остатки мелких хищников — в первую очередь песцов. Однако, судя по их характеру (нерасчлененные скелеты, фрагменты в анатомической связи), в пищу их явно не употребляли, а использовали шкурки для изготовления теплой одежды.

В качестве одного из дополнительных аргументов в пользу того, что на верхнепалеолитических стоянках Русской равнины с большим количеством костей мамонта кости эти, преимущественно, собирались, приводится то, что нарезки на мамонтовых костях резко отличаются от нарезок на костях травоядных, явно употреблявшихся в пищу (лошадь, бизон, олень). Но, во-первых, сколько-нибудь систематизированных данных по этому вопросу не существует. Во-вторых, нужно учитывать, что способы срезания мяса с костей крупных млекопитающих (мамонт, шерстистый носорог) могли существенно отличаться от способов обработки туш более мелких животных (лошадь, олень, заяц и пр.).

Стоит отметить такой важный момент: на стоянках Днепро-Донской ИКО, как и на соответствующих центрально-европейских стоянках с большим содержанием костей мамонта, не наблюдается отбора костей. Присутствуют практически все кости скелета мамонта, хотя их пропорции на разных стоянках и участках различны (Соффер 1993: 105–106).

Важно и другое: в памятниках Днепро-Донской ИКО присутствуют *все возрастные группы мамонтов* — от старых особей до детенышей и эмбрионов (Гарутт, Урбанас 1979; Сергин 2001: 351). То же самое отмечается и для соответствующих стоянок Центральной Европы. Ряд памятников Русской равнины — Радомысль, Мезин, Добраничевка — дает так называемые катастрофические профили — т. е. профили с множеством молодых особей и прогрессивным уменьшением особей более старых возрастных категорий (Корниец 1962; Соффер 1993: 101–102).

Долгое время считалось, что демографический состав межричской и костенковской

популяций мамонтов с меньшим процентом детенышей создает картину стада, в котором присутствуют все возрастные группы (Пидопличко 1976, Верещагин, Кузьмина 1982; Soffer 1985); различия интерпретировались, как сезонные (Верещагин, Кузьмина 1982: 225). Соответственно, представлялось, что катастрофические профили однозначно указывают на применение загонной охоты, в процессе которой гибнет целое стадо (Соффер 1993: 101).

Между тем, анализ современных слоновьих популяций показывает, что слоновье стадо, как такового, в которое бы входили все половозрастные группы — от старых самцов до детенышей — никогда не существовало в природе (см. напр.: Дуглас-Гамильтон и др. 1981). Большая заслуга Е. Н. Мащенко заключается в том, что он не только обратил на это внимание археологов, но и доказал приложимость данного заключения к ископаемой популяции мамонтов (сравнительный анализ Севского и ряда близких по типу североамериканских местонахождений) (Мащенко 2009).

Таким образом, оказалось, что так называемая «типичная картина» стада, на которую ссылались археологи, требует уточнений. Как у африканских, так и у азиатских слонов существуют семейные группы, состоящие из самок и детенышей. Половозрелые самцы образуют особые группы. Достаточно часто встречаются и самцы, ведущие одиночный образ жизни. Обратим внимание на то, что, по имеющимся на сегодняшний день данным, состав мамонтов, представленных на стоянках Днепро-Донской ИКО, включал представителей обеих групп. Уже одно это вызывает вопрос: а на кого же, в сущности, охотились насельники Днепро-Донской ИКО, истребляя не единичных мамонтов, а целые группы? Судя по имеющимся данным, и на тех, и на других. Но необходимо признать: эти данные не точны и не полны.

Исследования, проведенные в различных местах естественной гибели животных, показали, что ни катастрофические, ни аттриционные профили нельзя однозначно считать признаком исключительно человеческой охоты. Ту же картину мы имеем и в случае естественной гибели животных (Соффер 1993: 102; см. также: Сергин 2001: 350). Необходимо ввести лишь одну важную оговорку: в случае едино-

временной гибели семейной группы мамонтов (как, например, в Севске) мы получаем картину, отличную от той, что дают: а) мамонтовые кладбища длительного накопления; б) материалы стоянок, где представлены все половозрастные группы, вплоть до утробных мамонят (но взрослые и старые особи, как правило, преобладают).

В. Я. Сергин, анализируя половозрастной состав ряда стоянок Русской равнины, отмечает, что в Радомышле, Мезине, Пушкарях, а также в сборной коллекции Костенок, сопоставленной Е. В. Урбанас с Берелехом, «преобладают остатки взрослых животных» (Сергин 2001: 346). Однако далее следует неожиданное и, на наш взгляд, неправомерное заключение: «Отсюда напрашивается вывод, что и костен-

ковское, и берелехское скопления мамонтовых костей, отражавшие половозрастной состав семьи и стада (Урбанас 1980) погибли по естественным причинам. Тот же вывод может быть сделан относительно Мезина, Радомышля и Пушкарей...» (Там же: 346–347).

На наш взгляд, логичнее предположить иное объяснение вышеупомянутого сходства. Оно — результат чрезвычайно длительного, растянувшегося на сотни и тысячи лет, накопления костей мамонта, обусловленного, в одном случае, естественными причинами (Берелех) (Верещагин 1977), в других — результатами активной человеческой деятельности. Этот вывод подкрепляется и хронологией стоянок, построенной на основании радиоуглеродных датировок.

5.2. О возможности загонной охоты на мамонтов

Приведенные выше археологические данные недвусмысленно свидетельствуют о том, что индивидуальная охота на хоботных, безусловно, имела место во многих культурах и практиковалась с глубочайшей древности. В отношении памятников Днепро-Донской ИКО проблема состоит в другом: трудно представить, что гигантское количество костей мамонта на стоянках этой ИКО являлось результатом охот подобного рода. Тем не менее, следует признать: прямыми, недвусмысленными свидетельствами специализированной, массовой охоты на мамонтов мы не располагаем. Обнаруженные Н. Д. Прасловым в верхнем культурном слое Костенок 1 фрагменты костей мамонта с застрявшими в них кремневыми наконечниками — находки, хотя и в высшей степени интересные, но пока единичные¹. К их рассмотрению мы еще вернемся ниже.

Представлениям о загоне стада мамонтов к краю обрыва соответствует геоморфология большинства стоянок, входящих в Днепро-Донскую ИКО. Большинство, но не всех. Так, например, в окрестностях стоянки Юдиново (Брянская область, правый берег р. Судость) крутых обрывов нет, сам же памятник — типичное поселение второго этапа этой ИКО, с округлыми жилищами из костей мамонта. Впрочем, в таких случаях зверей вполне могли гнать не к обрыву, а на

тонкий лед или в болото (Верещагин 1979).

Было бы важно обнаружить хотя бы одно место загонной охоты на мамонтов, подобное месту массового истребления диких лошадей в Солютре (Франция) или диких бизонов в Амвросиевке (Украина). В Костенках имеется, по крайней мере, одно местонахождение, заставляющее серьезно задуматься на эту тему. Это мало известный памятник Костенки 5/III, расположенный в глубине Покровского лога, около его правого борта. Там в траншее 7,5 × 2 м, заложеной П. П. Ефименко в 1928 г., на глубине 2,8–3,5 м обнаружено мощное (до 0,7 м) скопление костей мамонта, приуроченное к меловому галечнику, подстилаемому переотложенным сеноманским песком. Кремневых изделий, собранных в траншее и более позднем шурфе А. Н. Рогачева, насчитывается ~160 экз., в т. ч. 30 с вторичной обработкой. Переотложенность материала сомнений не вызывает (Рогачев 1957: 94; Рогачев, Аникович 1982: 87), но весь вопрос в том, что именно переотлагалось? Стоянка? Естественное «кладбище мамонтов»? А может быть, искомый kill-site? Без новых целенаправленных раскопок ответить на этот вопрос невозможно. Обращаем внимание лишь на то, что механизм образования «мамонтовых кладбищ», предложенный А. А. Чубуром, здесь совершенно неприемлем.

Итак, следует признать, что в пользу представлений о загонной охоте на мамонтов свидетельствуют пока только косвенные данные. Тем не менее, гипотеза об истребительных охотах как источнике появления огромного количества костей мамонта на стоянках долгое время представлялась нам наиболее правдоподобной.

¹ Мы не упоминаем здесь находку наконечника, застрявшего в позвонке мамонта, на стоянке Мамонтовый ручей (Луговское), поскольку этот памятник не имеет никакого отношения к Днепро-Донской ИКО. Данная находка свидетельствует лишь о том, что индивидуальная охота на мамонта в разных регионах время от времени имела место.

Приведенные в предыдущем разделе данные о половозрастном составе мамонтовых остатков на стоянках, в принципе, заставляют нас весьма серьезно рассматривать возможность их попадания в слой в результате таких охот. Вполне надуманными представляются однотипные возражения на этот счет А. А. Чубура и В. Я. Сергина. Первый уверенно заявляет, что «...истребление мамонтовых стад можно было бы допустить при участии в нем больших групп людей», однако «...население типичной базовой стоянки региона было невелико и составляло, видимо, 20–35 человек...» (Чубур 1998: 320). В. Я. Сергин вообще ограничивает количество мужского населения стоянок десятью представителями, которые, конечно, «не могли позволить себе такого риска», как загонная охота на мамонтов (Сергин 2001: 350).

Но из чего же следует, что население базовых стоянок не превышало то ли 10, то ли 20–35 человек? Из количества жилищ? Но откуда известно, как эти жилища обживались? И где методико-методологическая основа для однозначного решения вопроса о синхронности/диахронности тех же жилых комплексов на Костенках 1/1 и Авдеево? Да и можно ли назвать в Днепро-Донской ИКО хотя бы одну полностью исследованную стоянку?

Во-вторых, откуда А. А. Чубуру и В. Я. Сергину известно хотя бы приблизительное количество людей, потребное для загона стада мамонтов? И каково их количество? А вдруг это дело было не столь многотрудным и опасным, как представляется нашим кабинетным ученым?

В действительности, некоторые особенности поведения слонов (а на что еще мы можем опираться, рассуждая о поведении мамонтов?) показывают, что, при необходимости, загонную охоту на стадо хоботных было не так уж трудно осуществить даже небольшими силами. Оказывается, эти могучие и очень умные животные чрезвычайно подвержены массовой панике. Вот только один из примеров.

«По склону обрыва двигалась группа слонов; я следил за ними в бинокль. Все было спокойно, но вдруг один из слонов ногой вывернул камень, и тот, прыгая по склону, пролетел мимо молоденького самца. Последний с подозрением поднял голову и, явно испугавшись, кинулся вниз о склону, помахивая задраным хвостом. Его настроение мгновенно передалось другим, и вот уже вся семейная группа ринулась через кустарник вниз. Шум испугал их еще больше, и вскоре началась настоящая паника: все слоны, и молодые, и взрослые, в беспорядке бежали через лес, с

ревом круша деревья и кустарники. Их охватил слепой ужас, а ведь причина была самой безобидной — случайное падение камня...» (Дуглас-Гамильтон и др. 1981: 253).

Так ли было трудно палеолитическим охотникам подметить эту черту слоновьего характера и использовать ее в своих интересах? Вспомним, что тысячелетия спустя обученные боевые слоны армии эфирского царя Пирра, вначале наведшие ужас на римлян, уже во втором сражении были горящими факелами обращены против своих (знаменитая «Пиррова победа» при Аускуле). Нет сомнения, палеолитические охотники знали повадки мамонтов несравненно лучше, чем римские солдаты — повадки слонов, с которыми они впервые столкнулись.

Еще 10 лет назад один из авторов этой статьи выражался по указанному поводу совершенно безапелляционно: «...если люди, жившие на стоянках с большим количеством костей мамонта, дающем картину стада, действительно охотились на мамонтов, — то их охота была загонной, приводящей к одновременной гибели целого стада или значительной его части» (Аникович 1998: 63).

Сейчас мы не столь категоричны. Во-первых, как уже упоминалось выше, накопление костей мамонта на стоянках Днепро-Донской ИКО происходило в течение куда более длительного отрезка времени, чем это представлялось ранее. Данное обстоятельство не могло не отразиться на фаунистическом составе.

Во-вторых, сама возможность применения загонных охот на мамонтов (чего мы не отрицаем и сейчас) отнюдь не означала, что охоты такого рода производились на Русской равнине регулярно и повсеместно. В этом отношении нельзя не считаться с доводами Е. Н. Мащенко, по сути, доказавшего, что характер поведения хоботных («стратегия выживания») совершенно исключает возможность систематических облавных охот на стада мамонтов, будь то семейная группа или группа самцов:

«В результате успешной охоты на семейную группу оставшиеся в живых слоны покидают старую территорию... и никогда на нее не возвращаются. ... В случае убийства вожака, нескольких членов группы или гибели во время массовой охоты всей группы мамонтов, в радиусе 150–180 км от Зарайской стоянки в течение 5–10 лет вообще не было бы мамонтов. При появлении новой семейной группы или особей, уцелевших после массовой охоты... животные были бы крайне осторожны и агрессивны... Установлено, что

время в 10–12 лет достаточно для восстановления прежней численности в популяции слонов даже при 90% смертности... Однако, даже при полном восстановлении популяции за 5–9 лет, группе охотников на мамонтов, безусловно, пришлось бы использовать другие ресурсы для выживания» (Мащенко 2009: 425).

Таким образом, в случае удачного истребления всей семейной группы охотникам пришлось бы либо на несколько лет искать другие ресурсы для выживания, «либо оставлять стоянку и переходить на другую территорию, за 170–250 км» (Мащенко 2009: 425). Но этому явно противоречат археологические данные.

6. Заключение

6.1. Где же выход?

К приведенной выше аргументации хочется добавить еще одно обстоятельство: во всех случаях, когда собирательство костей мамонта можно считать твердо установленным фактом (Днестровско-Прутский регион, Крым, вероятно Северный Кавказ), налицо *избирательный* отбор костей на памятниках. Ничего подобного на стоянках Днепро-Донской ИКО не зафиксировано. Так что же, многотонные туши без всякой разделки каким-то образом доставлялись на стоянку то ли с места загонной охоты, то ли с предполагаемого, но нигде в данном регионе не зафиксированного кладбища мамонтов?

Остатки таких кладбищ в непосредственной близости от стоянки существуют, как мы постарались показать, только в воображении некоторых наших коллег. А уж

предположение, что массовая охота на мамонтов могла вестись в непосредственной близости от стоянки, совсем невероятно, учитывая, на что способен разъяренный слон. Таким образом, *анализ археологических материалов приводит нас к тому, что формирование Днепро-Донской ИКО невозможно объяснить ни гипотезой собирательства, ни гипотезой облавных охот на стада мамонтов.*

Даже такой убежденный сторонник концепции загонных охот, как М. В. Аникович, под давлением новых аргументов был вынужден существенно скорректировать свою позицию. Впрочем, это отнюдь не обеляет в наших глазах концепцию собирательства и трупоедства. Как же быть в этом случае? Возможен ли третий путь? Да, возможен.

6.2. Сосуществование мамонта и человека — не борьба, а симбиоз

Взятые нами для этой статьи эпитафии показывают, что столь непохожие друг друга люди, как Нильс Бор и Карл Маркс, сходились в одном: простой здравый смысл — весьма несовершенное подспорье для решения сложных научных проблем. Именно с одной из таких проблем мы столкнулись сейчас.

В настоящий момент можно констатировать: указанные выше непримиримые противоречия ликвидируются лишь в одном случае — если предположить, что взаимоотношения между верхнепалеолитическим человеком и мамонтом не сводились к противостоянию *охотник — дичь*, но являлись определенным рода симбиозом или «мирным сосуществованием».

Если население Днепро-Донской ИКО каким-то образом помогало стадам мамонта выжить в трудные периоды, стремилось не допустить их перемещения на удаленное расстояние, а мамонты, в свою очередь, не видели в человеке исконного врага, то ситуация может стать вполне понятной. По историко-этнографическим наблюдениям известно, что

прирученного слона, доверяющего человеку, убить довольно легко. Для этого надо (с помощью молота или какого-то заменяющего его орудия) вогнать животному в определенную точку в основании черепа острый, мощный клин. Так поступали погонщики боевых слонов в самых различных армиях мира — в случаях, когда животное впадало в бешенство и обращало свой гнев против солдат собственной армии.

Если предположить, что мамонт доверял человеку и подпускал его к себе, то отдельные животные могли умерщвляться таким или каким-то иным подобным способом непосредственно на самой стоянке. Как и И. С. Поляков, мы вполне отдаем должное «сообразительности палеолитического человека». Как «обставлялось» умерщвление животных палеолитическим сообществом, на кого из них падал выбор и по какой причине, мы, конечно, не можем знать. Однако, вероятнее всего, человек умел произвести это так, чтобы не напугать и не обозлить остальное стадо. Факт остается фактом: на стоянках Днепро-Донской ИКО присутствуют кости

представителей всех половозрастных групп, характерных как для семейных сообществ, так и для стада самцов.

В связи с этим имеет смысл вернуться к немногочисленным наблюдениям, связанным с находками кремневых наконечников, застрявших в костях мамонта, на стоянке Костенки 1/1. Сведения о них, исходящие от Н. Д. Праслова (Праслов 1991; Праслов Н. Д., устное сообщение), недавно были проанализированы Е. Н. Мащенко. В одном случае речь идет о наконечнике, «застрявшем в центре лобной кости черепа взрослого мамонта. В другом случае кремневый наконечник переломился при попадании в среднюю часть ребра молодого мамонта» (Мащенко 2009: 422). Положение указанного обломка свидетельствует, что удар производился в область сердца, из положения снизу вверх. Однако, по мнению автора, «невозможно представить, как был нанесен такой удар, если животное стояло. Поскольку высота особи... не превышала 160–170 см, подобный удар метательным оружием можно нанести только в случае, если само животное или его труп уже лежит на земле» (Там же: 423).

Положение наконечника, застрявшего в черепной кости мамонта, также «не может свидетельствовать об охоте, поскольку использование метательных орудий с каменными наконечниками исключает их броски в голову. Кости черепа слишком толсты для того, чтобы их можно было пробить даже ... металлическим наконечником» (Там же). Однако *застрявший в лобной кости* наконечник сам по себе должен свидетельствовать об огромной силе удара, нанесенного, безусловно, не на излете, а из удобного, достаточно близкого

положения. Хотя, разумеется, для того, чтобы использовать эту находку без оговорок, она должна быть описана и опубликована.

По мнению Е. Н. Мащенко, обе находки могут свидетельствовать «о культовом или церемониальном использовании трупов уже мертвых мамонтов» (Там же). По нашему мнению, с тем же успехом приведенные данные могут подкреплять предположение об одурманивании и последующем умерщвлении зверей прямо на стоянке. Заметим также: представить себе транспортировку целого трупа мамонта на поселение с церемониальной целью, пожалуй, куда труднее, чем заманивание живого зверя.

Изложенное предположение в настоящий момент представляет собой только заявку, требующую дополнительной аргументации. На сегодняшний день ее главное достоинство заключается в снятии слабых сторон обеих утвердившихся в специальной литературе концепций. Стоит особо подчеркнуть: речь ни в коем случае не идет о *доместикации* мамонта. Мы предполагаем другое: специфическую форму регуляции поведения между людьми и животными, впоследствии утраченную. Впрочем, некое подобие ее все же сохранилось — у оленеводов Крайнего Севера, чьи условия жизни весьма напоминают те, в которых должно было существовать население центра Русской равнины в период валдайского оледенения. Как известно, северный олень является *полуприрученным*, но отнюдь не доместичированным животным. Поэтому дальнейшая разработка проблемы, безусловно, должна включать углубленные исследования этих историко-этнографических материалов.

Литература:

- Абрамова З. А. 1989. Палеолит Северной Азии. *Палеолит мира. Палеолит Кавказа и Северной Азии*. Ленинград: Наука, 145–243.
- Абрамова З. А., Григорьева Г. В. 1997. *Верхнепалеолитическое поселение Юдиново*. Вып. 3. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Аксенова Г. В. 2009. *Первый директор Строгановского училища*. <http://www.portal-slovo.ru>
- Амирханов Х. А. 2000. *Зарайская стоянка*. Москва: Научный мир.
- Амирханов Х. А. 2005. К методике исследования палеолита: уроки Зарайска и Авдеево (по поводу одной рецензии). *РА* 2, 93–101.
- Амирханов Х. А. 2009. Стоянка Зарайск А: характеристика объектов третьего культурного слоя. В: Амирханов Х. А. (отв. ред.). *Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005*. Москва: Палеограф, 15–36.
- Аникович М. В. 1998. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту». В: Амирханов Х. А. (отв. ред.). *Восточный граветт*. Москва: Научный мир, 35–60.
- Аникович М. В. 2009. Человек и мамонт в центре Русской равнины. Охота? Собирачество? Или?.. В: Давудов О. М. (отв. ред.). *Проблемы археологии Евразии. Сб. статей. К 60-летию члена-корр. РАН, профессора Амирханова Х. А. Махачкала: Изд. Института археологии и этнографии ДНЦ РАН, 152–170*. В печати.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К. 2001. Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы. В: Розанов А. Ю. (отв. ред.). *Мамонт и его окружение: 200 лет изучения*. Москва: ГЕОС, 315–327.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К. 2001–2002. Охота на мамонтов в палеолите Евразии. *SP* 1, 479–501.
- Аникович М. В. и др. 2006: Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. 2006. Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса. В: Деревянко А. П. (отв. ред.). *Этнокультурное взаимодействие в Евразии*. Кн. 1. Москва: Наука, 98–112.

- Аникович М. В. и др. 2007: Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. 2007. *Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии*. ТКБАЭ 5.
- Аникович М. В. и др. 2008: Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н.И. 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. *ТКБАЭ* 1.
- Аникович М. В., Кузьмина И. Е. 2001. Мамонт в культуре верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. В: Чиндина Л. А. (отв. ред.). *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Материалы XII ЗСАЭК*. Томск: Изд. ТГУ, 3–4.
- Анисюткин Н. К. 2001. *Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины*. Санкт-Петербург: Европейский Дом.
- Анисюткин Н. К. 2002. Проблема мустьерских жилищ с использованием многочисленных костей мамонта. *АВ* 9, 11–24.
- Анисюткин Н. К. 2002–2003. Мамонт в среднем палеолите Восточной Европы (к вопросу о мустьерских жилых структурах с использованием костей мамонта). *SP* 1, 114–129.
- Бадер О. Н. 1984. Палеолитические погребения и палеолитические находки на Сунгире. В: Бадер О. Н. (отв. ред.). *Сунгирь. Антропологическое исследование*. Москва: Наука, 6–13.
- Бадер О. Н. 1998. Сунгирь. Палеолитические погребения. В: Бадер О. Н. (отв. ред.). *Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда)*. Москва: Научный мир, 5–165.
- Байгушева В. С. 1980. Мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum) левобережья Северского Донца. *Млекопитающие Восточной Европы в антропогене 1980. Труды ЗИН* 93, 75–80.
- Борисковский П. И. 1963. *Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костёнках*. МИА 121.
- Брем А. 1866. *Иллюстрированная жизнь животных. Всеобщая история животного царства*. Т. 2. Санкт-Петербург.
- Бутце Г. 1956. *В сумраке тропического леса*. Москва: Географгиз.
- Бэр К. М. 1849. О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества. *Карманная книжка для любителей земледелия за 1848 год*. Санкт-Петербург.
- Бэр К. М. 1851. *Человек в естественно-историческом отношении*. Санкт-Петербург.
- Бэр К. М. 1863. О древнейших обитателях Европы. *Записки РГО* 1, 213–220.
- Бэр К. М. 1865. Место человека в природе. *Натуралист*. 19–24 (отд. отд.), 1–33.
- Бэр К. М., Шифнер А. А. 1862. О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея. *Записки ИАН* 1. Кн. 1.
- Васильев С. А. 1997. Концепция антропогенеза Б. Ф. Поршнева в свете данных новейших исследований. В: Матющенко В. И. (отв. ред.). *Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова*. Материалы научной конференции (Омск, 2,3 декабря 1997 г.). Омск: ОмГУ, 28–30.
- Величко А. А., Зеликсон Э. М. 2006. Перигляциальная среда как ресурсная основа существования позднего мамонта эпохи верхнего палеолита на Восточно-Европейской равнине. В: Аникович М. В. (отв. ред.). *Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное*. ТКБАЭ 4, 9–26.
- Верещагин Н. К. 1977. Берелехское кладбище мамонтов. *Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири*. Труды Зоологического института АН СССР 72, 5–50.
- Верещагин Н. К. 1979. *Почему вымерли мамонты*. Ленинград: Наука.
- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. 1982. Фауна млекопитающих. В: Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). *Палеолит Костёновско-Борщевского района на Дону. 1879–1979*. Ленинград: Наука, 223–232.
- Вишняцкий Л. Б. 2005. *Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Волков Ф. К. 1913. Палеолит в Европейской России и стоянка в с. Мезине Черниговской губернии. *Протоколы ОРСА РАО за 1909 год. Записки ОРСА IX*, 299–306.
- Гарутт В. Е., Урбанас Е. В. Мамонт из позднепалеолитических стоянок с. Костенки. В: Горецкий Б. И. (гл. ред.). *Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины*. Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию, посвященному 100-летию открытия палеолита в Костенках (20–25 августа 1979 года). Воронеж: Изд. ВГУ.
- Гмелин С.-Г. 1771. *Путешествие по России для исследования трех царств естества*. Ч. 1. Санкт-Петербург.
- Деревянко и др. 2000: Деревянко А. П., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Мащенко Е. Н. 2000. Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири. *АЭАЕ* 3, 32–55.
- Докучаев В. В. 1882. *Археология России. Каменный период*. ТТ. I и II графа А. С. Уварова. 1881. Доклад В. В. Докучаева отделению геологии и минералогии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей 20 ноября 1881 г. *Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей XIII*. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1–54.
- Дуглас-Гамильтон И., Дуглас-Гамильтон О. 1981. *Жизнь среди слонов*. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Ефименко П. П. 1938. *Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени*. Изд. 2. Ленинград: Соцгиз.
- Кельсиев А. И. 1878. Доклад о лопарях. *Известия ИОЛЕАЭ XXVIII*, 491–500.
- Кельсиев А. И. 1883. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда. *Древности. Труды МАО IX*. Вып. 2–3, 154–180.
- Кларк Д. Д. 1977. *Доисторическая Африка*. Москва: Наука.
- Корниец Н. Л. 1962. Про причини вимирання мамонта на території України. В: Підоплічко І. Г. (отв. ред.). *Віконні фауни України і суміжних територій*. Київ: Вид-во Акад. Наук УРСР, 93–169.
- Котлоу Л. 1960. *Занябуку. Опасное путешествие*. Москва: Географгиз.
- Кошечкин Б. И. 2003. *Прибалтийско-финские народы России*. Москва: Наука
- Лавров А. В. 1992. Строение и формирование костяного горизонта Севского местонахождения мамонтов. *История крупных млекопитающих и птиц Северной Евразии. Труды ЗИН* 246, 60–67.
- Мащенко Е. Н. 2009. Интерпретация археозоологических данных стоянки Зарайск А в связи с биологией шерстистого мамонта (*mammuthus primigenius*).

№1. 2010

- genius [Blumenbach, 1799]). В: Амирханов Х. А. (отв. ред.). *Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005*. Москва: Палеограф, 402–435.
- Окладников и др. 1971: Окладников А. П., Григоренко Б. Г., Алексеева Э. В., Волков И. А. 1971. Стоянка верхнепалеолитического человека Волчьа Грива (раскопки 1968 г.). *Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции*. Вып. 2. Новосибирск: Изд. ИАЭ СО РАН.
- Пидопличко И. Г. 1969. *Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине*. Киев: Наукова думка.
- Пидопличко И. Г. 1976. *Межиричские жилища из костей мамонта*. Киев: Наукова думка.
- Поляков И. С. 1880. *Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Академии наук*. Записки ИАН. Приложение к т. XXXVII.
- Поляков И. С. 1881. *Каменный век в России. Живописная Россия*. Т. 1. Ч. 1. Санкт-Петербург; Москва, 381–402.
- Поляков И. С. 1882. *Исследования по каменному веку в Олонекской губернии, в долине Оки и на верховьях Волги* Записки РГО по отд. этнографии IX.
- Поляков И. С. 2008. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Академии наук. Глава 2. В: Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. *Палеолит Костенковско-Борщевского района в свете основных проблем генезиса верхнего палеолита Европы*. Прил. 1. ТКБАЭ 1, 247–259.
- Поршнева Б. Ф. 2007. *О начале Человеческой истории. Проблемы палеопсихологии*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Праслов и др. 2002: Праслов Н. Д., Синицын А. А., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д. 2002. Карачаровская палеолитическая стоянка: значение, история и перспективы исследования. *Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы*. ТКЭ 1, 160–166.
- Райков Б. Е. 1950. Введение в автобиографию К. М. Бэра. В: *Бэр К. М. Автобиография*. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР.
- Рогачёв А. Н. 1957. *Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине*. МИА 59, 9–134.
- Рогачёв А. Н., Аникович М. В. 1982. Костенки 5. В: Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). *Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979*. Ленинград: Наука, 85–88.
- Рогачёв А. Н., Аникович М. В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. В: Борисковский П. И. (отв. ред.). *Археология СССР с древнейших времен до средневековья. Палеолит СССР*. Москва: Наука, 162–271.
- Савич В. П. 1975. *Пізньопалеолітичне населення Південно-Західної Волині*. Київ: Наукова думка.
- Сергин В. Я. 2001. Охота и собирательство как источник поступления костей мамонта на позднепалеолитические поселения центра Русской равнины. В: Розанов А. Ю. (отв. ред.). *Мамонт и его окружение: 200 лет изучения*. Москва: ГЕОС, 346–355.
- Синицын и др. 1997: Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы. В: Синицын А. А., Праслов Н. Д. (ред.). *Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 21–66.
- Соффер О. А. 1993. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты. В: Леонова Н. Б., Несмеянов С. А. (ред.). *Проблемы палеоэкологии древних обществ*. Москва: Рос. Открытый Ун-т, 99–118.
- Уваров А. С. 1881. *Археология России. Т. 1. Каменный период*. М.
- Уваров А. С. 1884. О совместной находке костей мамонта с каменными орудиями. *Труды IV АС в Казани в 1877 г.* Т. 1, XXXIV–XXXV.
- Формозов А. А. 1983. *Начало изучения каменного века в России*. Москва: Наука.
- Чепальга А. Л. 2005. Эпоха экстремального затопления (ЭЭЗ) как прототип «Всемирного потоп»: Понто-Каспийские бассейны и северное измерение. В: Юшкин Н. П. (отв. ред.). *Квартер–2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода*. Сыктывкар: Геопринт, 447–450.
- Чепальга А. Л., Пирогов А. Н. 2005. События эпохи экстремальных затоплений в долине Маньчуга: сброс Каспийских вод через Маньч-Керченский пролив. В: Юшкин Н. П. (отв. ред.). *Квартер–2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода*. Сыктывкар: Геопринт, 445–447.
- Чепальга А. Л., Пирогов А. Н., Садчикова Т. А., Лаврентьев Н. В., Пирогов А. Н., Цыбриков В. В. 2006. История долины Маньчуга и древний человек в позднем палеолите. В: Матишов Г. Г. (отв. ред.). *Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны. Материалы международного симпозиума*. Ростов-на-Дону: РАН&ЮжНЦ&КИЧП, 340–348.
- Черныш А. П. 1960. Исследования мустьерского поселения на Среднем Днестре в 1956–58 гг. *БКИЧП* 24, 111–118.
- Черныш А. П. 1965. *Ранний и средний палеолит Приднестровья*. Москва: Наука.
- Черныш А. П. 1989. О мустьерских жилищах и поселениях. В: Бибииков С. Н. (отв. ред.). *Каменный век. Памятники, методика, проблемы*. Киев: Наукова думка, 72–81.
- Чубур А. А. 1991. Мамонт в верхнем палеолите: добыча охотников или жертва половодий? *VI Координационное совещание по изучению мамонтов и мамонтовой фауны. Тезисы докладов*. Ленинград: ЗИН РАН, 57–58.
- Чубур А. А. 1993. К вопросу о «мегаэпохологии» и миграциях верхнепалеолитического человека в центре Русской равнины. *Археологические памятники Среднего Поочья* 3. Рязань, 3–14.
- Чубур А. А. 1993а. «Мамонтовое собирательство» в бассейне Десны. *Природа*, 54–57.
- Чубур А. А. 1998. Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в осташковское время. В: Амирханов Х. А. (отв. ред.). *Восточный гравитт*. Москва: Научный мир, 309–329.
- Чубур А. А. 2006. Эксплуатация мамонтовых «кладбищ» как элемент адаптации палеолитического человека к природным условиям эпохи экстремальных затоплений. В: Матишов Г. Г. (отв. ред.). *Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны. Материалы международного симпозиума*. Ростов-на-Дону: РАН&ЮжНЦ&КИЧП, 348–352.
- Шилов Н. А. 2001. Исчезновение мамонтов с лица Зем-

- ли. В: Розанов А.Ю. (отв. ред.). *Мамонт и его окружение: 200 лет изучения*. Москва: ГЕОС, 307–314.
- Adam K. D. 1951. Der Waldelefant von Lehringen, eine Jagdbeute des diluviale Menschen. *Quartar*. Bd. 5. Bonn, 79–92.
- Biberson P. 1968. Les gisements acheuléens de Torralba et Ambrona (Espagne). Nouvelles precisions. *L'Anthropologie* 72. No 3–4. Paris, 241–278.
- Binford L. R. 1993. Bones for stones: considerations of analogues for features found on the Central Russian plain. In: Soffer O., Praslov N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York & London: Plenum Press, 101–124.
- Bosinski B. 1985. *Der Neandertaler und seine Zeit*. Bonn.
- Chaillu P. 1902. *Wild life under the equator*. New-York&London: Harper & Brothers. Publ.
- Freeman L. G., Butzer K. W. 1966. The Acheulean Station of Torralba (Spain): a Progress Report. *Quaternaria* VIII. Roma.
- Hahn J. 1984. *Sudeuropa und Nordafrika. Neue Forschungen zur Altsteinzeit*. München.
- Klein R. 1974. *Ice-Age hunters of the Ukraine*. Chicago & London: Univ. of Chicago press.
- Klima B. 1963. *Dolni Vstonice. Vzkum Lboist lovc mamut v letech 1947–1952*. Praha.
- Lindner K. 1937. *Die Jagd der Vorzeit*. Berlin.
- Maschenko et al. 2006: Maschenko E. N., Gablina S. S., Tesakov A. S., Simakova A. N. 2006. The Sevsk woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*) site in Russia: taphonomic, biological and behavioral interpretations. *Quaternary International* 142/143, 147–165.
- Soergel W. 1922. *De Jagd der Vorzeit*. Jena.
- Soffer O. 1985. *The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain*. Orlando. Florida. Academic Press.
- Soffer O. 1993. Upper Paleolithic adaptations in Central and Eastern Europe and Man — Mammoth interactions. In: Soffer O., Praslov N. D. (eds.) *From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York&London: Plenum Press, 31–50.
- Soffer O., Praslov N. D. 1993. Introduction: Fluted Points and Female Figurines — Understanding Late Paleolithic People of the New and Old Worlds. In: Soffer O., Praslov N. D. (eds.) *From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York&London: Plenum Press, 3–14.
- Thieme H. 1999. Altpaläolithische Holzgerate aus Schningen, LKR. Helmstedt. *Germania*. Jahrgang 77, 2. Halbband. Mainz am Rhein, 151–487.

Статья поступила в номер 15 декабря 2009 г.

Mikhail Anikovitch (St.-Petersburg, Russia). Doctor of historical sciences. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.

Mikhail Anikovitch (S.-Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Аникович Михаил Васильевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН).
E-mail: niplaton@gmail.com.

Nikolai Anisyutkin (St.-Petersburg, Russia). Doctor of historical sciences. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.

Nikolai Anisyutkin (S.-Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Анисюткин Николай Кузьмич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН).
E-mail: cranopygia@pochta.ru.

Nadezhda Platonova (St.-Petersburg, Russia). Doctor of historical sciences. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.

Nadezhda Platonova (S.-Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Платонова Надежда Игоревна (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН).
E-mail: niplaton@gmail.com.